

ВЛАДИМИР
ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

СПЕЦСЛУЖБЫ, АРМИЯ И ВЛАСТЬ
НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
1913–1917 гг.

Владимир Хутарев-Гарнишевский
**Противостояние. Спецслужбы,
армия и власть накануне падения
Российской империи, 1913–1917 гг.**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2019

УДК 82-31
ББК 84-44

Хутарев-Гарнишевский В. В.

Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. / В. В. Хутарев-Гарнишевский — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2019

ISBN 978-5-93255-567-5

Февральская революция 1917 г. разделила русскую историю на два огромных пласта. Российское общество до сих пор в латентной фазе переживает последствия порожденной расколом Гражданской войны. Историки в своих исследованиях пытаются понять механизм падения монархии, породивший невиданный социальный взрыв, который изменил ход отечественной и мировой истории. Цель данного исследования – ответить на наиболее острые вопросы: было ли руководство МВД готово наладить работу политической полиции и эффективно пользоваться ее плодами, была ли способна власть в годы Первой мировой войны сформулировать приоритетные задачи жандармерии, обеспечить ее необходимой материально-технической и нормативной базой, обладал ли личный состав спецслужб необходимыми качествами и подготовкой для выполнения поставленных задач? В книге рассматривается деятельность политического сыска России по поддержанию государственной безопасности в оперативном взаимодействии с политическими и военными властями империи.

УДК 82-31
ББК 84-44

ISBN 978-5-93255-567-5

© Хутарев-Гарнишевский В. В., 2019

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2019

Содержание

Вступление	7
I	15
Жандармские курсы	16
Предметы и преподаватели	25
Комплектование офицерского состава	34
II	39
Владимир Федорович Джунковский	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Владимир Владимирович
Хутарев-Гарнишевский
Противостояние. Спецслужбы,
армия и власть накануне падения
Российской империи, 1913–1917 гг**

© Издательство Института Гайдара, 2020

Вступление

Февральская революция 1917 г. разделила русскую историю на два огромных пласта – то, что было до нее, и то, что стало после. Этот разрез был горизонтальным. Историческая память народа была травмирована и другим, более страшным разрезом – вертикальным, когда общество разделилось на красных и белых. Несмотря на многочисленные предпринимаемые попытки склеить разбитый сосуд памяти, российское общество до сих пор в латентной фазе переживает последствия порожденной этим расколом Гражданской войны. Продолжается ли она в умах – вопрос социологии. Задача историков – приблизиться к пониманию механизма падения монархии, породившего невиданный социальный взрыв, изменивший ход отечественной и мировой истории.

Исследователи революции изучили почти все ее аспекты – политические, социальные, экономические, культурные. За кадром зачастую остается еще один – работа специальных служб. Так их принято называть сейчас. Еще недавно их называли органами государственной безопасности. Применительно к началу XX в. корректнее говорить о политическом сыске. В конце концов именно на эти органы власти была возложена задача обеспечения общественной безопасности и порядка в империи, поддержания стабильности государственного строя, контроля за населением и правящей элитой. А сам корпус жандармов как институт власти предшествовал формированию централизованной политической полиции как отдельного рода государственной службы.

Цель данного труда состоит в том, чтобы ответить на наиболее острые вопросы. Было ли руководство МВД готово наладить работу политической полиции и эффективно пользоваться её плодами? Была ли способна правительственная власть в годы Первой мировой войны выработать направление и сформулировать приоритетные задачи жандармерии, обеспечить ее необходимой материально-технической и нормативной базой? Обладал ли личный состав спецслужб необходимыми качествами и подготовкой для выполнения поставленных задач? Направление работы спецслужб тесно связано с пониманием правительством целей, задач, устройства и будущего государственной полиции. А существовало ли такое понимание в целом? Для этого необходимо рассмотреть деятельность политического сыска империи по поддержанию государственной безопасности в подчинении и оперативном взаимодействии с политическими и военными властями империи.

Используя термин «органы политического сыска» применительно к внутривластной ситуации в Российской империи, необходимо отметить, что как таковой единой централизованной системы спецслужб тогда не существовало. Номинальным главой тайной полиции являлся министр внутренних дел, а непосредственным руководителем – соответствующий товарищ министра. Центральными органами были департамент полиции МВД и штаб Отдельного корпуса жандармов. Региональная структура была представлена жандармскими управлениями и строевыми частями, охранными отделениями, районными охранными отделениями, розыскными пунктами.

Департамент полиции был создан 6 августа 1880 г. под названием «департамент государственной полиции МВД» взамен распущенного III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Центральным аналитическим органом департамента являлся особый отдел, образованный в 1898 г. по инициативе директора С. Э. Зволянского. В компетенции отдела было заведование секретной агентурой, перлюстрация, надзор за политически неблагонадежными группами населения, непосредственное руководство политическим розыском, сбор революционной литературы и вещественных доказательств¹. Начальник отдела по

¹ *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 60, 61.

своему значению был одним из первых лиц в политическом сыске, именно он координировал секретно-розыскную работу охранных отделений и жандармских управлений.

Кроме особого отдела в состав департамента входило несколько делопроизводств. *Первое* занималось личным составом и кадровыми вопросами. *Второе*, законодательное, следило за исполнением чинами политического сыска законов, занималось составлением приказов, циркуляров, инструкций, правил и прочих руководящих документов розыска, проводило их юридическую экспертизу. *Третье* отвечало за переводы чинов по службе. *Четвертое* наблюдало за деятельностью легальных общественных организаций, земских и городских союзов, за крестьянским и рабочим движением. *Пятое*, исполнительное, занималось составлением докладов министру и его товарищу, ведало вопросами административной высылки, негласным и гласным полицейским надзором. Функции *шестого* делопроизводства постоянно менялись, варьируясь от социально-экономических вопросов до организации справочного аппарата. В компетенцию *седьмого*, наблюдательного, делопроизводства входили вопросы организации розыска, а также переписка по тюремному ведомству, а *восьмое* ведало работой сыскных отделений. Также при департаменте функционировали казначейская, хозяйственная и секретарская части, инспекторский и судебный отделы, ссудно-сберегательная касса, центральный справочный аппарат и архив. Особое место занимала секретная заграничная агентура с центрами в Париже и Константинополе.

Вся деятельность по политическому розыску в начале XX в. была сосредоточена в руках офицеров жандармерии, а основной сыскной единицей являлось жандармское управление – губернское, областное или городское, в зависимости от региона. Московское, Петроградское и Варшавское охранные отделения также возглавлялись жандармскими офицерами. Они составляли костяк особого отдела департамента полиции – аналитического центра. Офицеры жандармерии назначались на руководящие посты в разведывательные и контрразведывательные отделения (РО и КРО), и сами жандармские управления начинают чаще контактировать с военной и военно-морской контрразведкой, зачастую выполняя часть ее функций. В условиях военного времени и нараставших волнений в тылу возрастало значение крепостных и городских жандармских команд и жандармских дивизионов.

Появляется новая для русских спецслужб проблема взаимодействия армии и жандармской полиции по вопросам политической безопасности в войсках, прифронтовой разведки и контрразведки. Рост оппозиционных настроений в высших эшелонах власти, борьба за власть отдельных лиц и связанных с ними групп в руководстве армии и в сфере публичной политики оказывают значительное влияние на характер и интенсивность взаимодействия вооруженных сил и политического сыска. В этой связи представляется необходимым рассмотреть методы работы сыскных органов по исследованию общественно-политических воззрений личного состава и высшего руководства армии. Выводы, к которым пришло руководство полиции и жандармерии, и принятые меры по ограждению армии от оппозиционных и революционных влияний вызвали активную реакцию военного начальства. Оно влияло на работу жандармов на театре военных действий – в разведке, контрразведке, в администрации оккупированных территорий.

В современной литературе рефреном звучит проблема фабрикации контрразведками дел о шпионаже в годы Первой мировой войны, так называемой «шпиономании». До сих пор остается открытым вопрос, в какой мере репрессии были инспирированы властями, а в какой являлись следствием технической и методологической слабости оперативно-розыскной работы спецслужб, непрофессионализма личного состава. Однако до недавнего времени исследователи рассматривали в основном крупные шпионские процессы – дело подполковника Мясоедова, компании «Зингер». В этой связи важно рассмотреть повседневную репрессивную практику прифронтовых контрразведок и связанных с ними жандармских управлений.

Период 1913–1917 гг. является одним из ключевых в истории отечественных спецслужб. И тому есть веские причины. В 1913 г. началась реформа политического сыска, продлившаяся около двух лет и во многом определившая характер работы жандармских органов в Первую мировую войну. В Государственную думу был передан на рассмотрение законопроект реформы всей полиции в империи. В нем проявились принципиальные противоречия и разногласия по жандармскому вопросу как между МВД, Министерством юстиции и Государственной думой, так и внутри руководства самого политического сыска. Значительная часть людей, руководивших сыском в 1914–1917 гг., пришли к власти именно в 1913 г., и их дальнейшая деятельность стала логическим продолжением довоенной. И наконец, самое главное – именно в этом году руководство политического сыска в лице директора департамента полиции Степана Белецкого в официальных документах признало неизбежность скорой революции и взяло курс на выработку мер по предотвращению принятия ею характера общенационального вооруженного восстания и воспрепятствованию повторения событий Первой русской революции 1905–1907 гг.

Осознание руководством спецслужб задачи противостояния надвигавшейся революции поставило вопрос о готовности к ней политического сыска и факторах, оказавших на это негативное влияние. Поэтому важно не только иметь представление о работе жандармерии на институциональном уровне, но и проанализировать конкретную розыскную практику. Деятельность ОКЖ должна рассматриваться неотрывно от политических реалий исторического момента. Институт жандармерии во времена Николая II редко анализировался исследователями, концентрирующимися в основном на истории полиции в целом, департамента полиции МВД или военных контрразведок.

Последний период существования русского политического сыска начался с крупнейшей за всю его историю реформы, осуществленной в 1913–1914 гг. товарищем министра внутренних дел Владимиром Джунковским. Авторитетный американский исследователь Джонатан Дейли² отмечает, что в начале XX в. для истории российской полиции не было ничего столь важного, как реформы Джунковского³. Давая в целом нейтрально-позитивную оценку преобразованиям, Дейли признает, что не может объяснить некоторых из них, например почти трехкратного сокращения финансирования политического сыска⁴. Как удивительно точно сказано – «ничего столь важного». Историк прямо пишет, что не может дать однозначного ответа на вопрос, какую конечную цель преследовали преобразования.

Реформы также получили неоднозначную оценку отечественных историков, не сошедшихся не только в частностях, но и в характеристике общей их направленности, целей и результатов. Так, Зинаида Перегудова, один из крупнейших специалистов по истории царского департамента полиции, оценивает Джунковского как человека убежденно и беззаветно преданного престолу, продолжателя столыпинской внутренней политики, борца с аморальными способами ведения политического сыска⁵. Анастасия Дунаева полагает, что в основе преобразований Джунковского лежали две основные идеи: главенство права и христианский идеал воина-рыцаря⁶. А попытку запретить жандармам (единственным офицерам, специально подготовленным для ведения политического розыска) заниматься дознанием по государственным преступ-

² Перегудова З. И. Указ. соч. С. 11; Рыжиков Д. Г. Органы политического сыска дореволюционной России в англоязычной историографии (вторая половина XX в.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 167.

³ Daly J. W. The watchful state. Security police and opposition in Russia 1906–1917. Northern Illinois, 2004. P. 136.

⁴ Ibid. P. 142.

⁵ Перегудова З. И. В. Ф. Джунковский и его воспоминания // Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 16–17.

⁶ Дунаева А. Ю. В. Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX – начало XX в.). Дисс. канд. ист. наук, ИАИ РГГУ. М., 2010. С. 158.

лениям Дунаева объясняет заботой о чести синего мундира⁷. Дунаева видит в нем приверженца «либерального консерватизма»⁸.

Но встречаются и совершенно противоположные оценки. Петербургский историк Кирилл Романов дает негативную оценку деятельности Джунковского, отмечая его некомпетентность в вопросах политического сыска⁹. Романов полагает, что утрата департаментом полиции реального руководства общей и политической полицией к осени 1916 г. является в том числе следствием реформ¹⁰. А вот исследователь жандармерии Борис Колоколов резко отрицательно отзывается о реформах, отмечая их популизм, дилетантизм, непрофессионализм, отсутствие четких представлений о работе МВД¹¹. Наиболее интересна оценка, данная Дмитрием Гутновым. По его мнению, реформы Джунковского шли не в ногу со временем. В то время как революционеры и охранители пытались выйти за рамки закона, Джунковский выступал за деятельность в рамках формальной законности. Неожиданная поддержка, которую он получил со стороны правящей бюрократии и думской оппозиции, была следствием их желания бороться в рамках правового поля. Государство хотело отойти от чрезвычайных методов управления, а общественность и оппозиция желали ограничить полномочия «охранки»¹².

Современники обвиняли Джунковского в развале политического сыска и называли его чуть ли не виновником свержения монархии в феврале 1917 г. Почти сразу же после революции заговорили о другой группе виновных – руководстве армии. Казалось бы, абсурдное на первый взгляд утверждение имело под собой весомые основания. Разве не переход Петроградского гарнизона на сторону народа решил судьбу империи? И здесь мы сталкиваемся с новыми вопросами: где же были жандармы, по закону являвшиеся именно военной полицией, что делали контрразведывательные отделения, как никто осведомленные о настроениях в войсках?

Первым системным исследованием русской контрразведки времен Первой мировой войны стала монография Александра Здановича, посвященная истории становления военной и морской контрразведывательных служб царской и раннесоветской России. Проводя идею преемственности специальных служб, он поднимает и проблему межведомственного, «пограничного» характера их работы. Зданович пишет, что «чистые разведка и контрразведка как самостоятельные, независимые виды деятельности возможны только в теории»¹³. Однако в работе, посвященной организационному строительству, не учитывается политическая подоплека, конъюнктура процессов.

Исследования на стыке борьбы в верхах армии, власти и политической оппозиции поставлены в центре нескольких крупных работ. Олег Айрапетов анализирует роль политического фактора в военной истории. Рассматривая отношения Главного артиллерийского управления, Центрального военно-промышленного комитета, военного министра и Ставки Верховного главнокомандующего с политической оппозицией и крупным бизнесом, он приходит к выводу, что «либеральная оппозиция готовилась скорее к перевороту, чем к революции, и была уверена в успехе, стремясь придать политическим изменениям максимально верхушечный характер,

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Дунаева А. Ю. Пажеский его императорского величества корпус в судьбе генерал-лейтенанта В. Ф. Джунковского // Российская кадетская переписка. 2008. № 5 (<http://www.fskk.ru/journal/?aID=189>); Дунаева Анастасия. Реформатор в жандармском мундире // Родина. 2008. № 2. С. 106.

⁹ Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. СПб., 2002. С. 135.

¹⁰ Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). СПб., 2002. С. 230, 231.

¹¹ Колоколов Борис. Дилетант в голубом мундире, или «Третий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 2007. 25 апреля (http://www.redstar.ru/2007/04/25_04/6_01.html).

¹² Гутнов Д. А. Дела и дни генерала В. Ф. Джунковского. История одной жизни. Saarbrueken, 2012. С. 339–341.

¹³ Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 202.

контролировать армию через генералитет, рабочее движение – через часть социал-демократии»¹⁴. Автор показывает работу оппозиции внутри военной верхушки. В ряде статей Айрапетов подробно разбирает и скандальное шпионское дело жандармского полковника Мясоедова, ставшее одним из символов русской охоты на ведьм времен Первой мировой войны¹⁵.

В современную отечественную историографию одним из первых термин «шпиономания» как состояние умов руководства военных властей ввел омский исследователь Николай Греков. Его монография, написанная на основе докторской диссертации¹⁶, посвящена работе контрразведывательных органов в 1905–1917 гг. и определению реальных и мнимых проблем в деятельности КРО. Исследование уникально тем, что Греков рассматривает работу контрразведки на трех уровнях: общеимперском, межрегиональном (Азиатская Россия) и региональном (Сибирь). Его интересуют три проблемы: выработка военным ведомством и МВД оптимального варианта организации контрразведывательной службы, поиск наиболее эффективных методов борьбы со шпионажем, влияние характера межведомственных отношений на эффективность мер по выявлению и пресечению деятельности иностранных разведок в России.

Греков называет антишпионскую истерию одним из основных факторов подрыва доверия к верховной власти и ее крушения в конечном итоге. Признавая, что царская контрразведка была слаба, малочисленна и поражена вирусом шпиономании, историк полагает, что «нейтрализовать разностороннюю деятельность иностранных разведок в России могли только объединенные усилия органов военного и полицейского ведомств»¹⁷. Схожего взгляда придерживается и британский историк Иэн Локлан, сравнивающий русский политический сыск с аналогичными европейскими структурами. Наибольшие сходства он находит у русских и австрийских спецслужб. Даже сам термин «политическая неблагонадежность» был заимствован у австрийского императора Иосифа II, впервые использовавшего его еще в 1780 г. В годы Первой мировой войны в Австро-Венгрии существовала военно-контрольная служба (*Kriegsüberwachungsamt*), координировавшая работу всех спецслужб империи – от общей и политической полиции до военной контрразведки¹⁸. Эта структура находилась в подчинении военного министра.

Надо отметить, что иностранная историография царских спецслужб не ограничивается только работами Локлана и Дейли. Традиция изучения «охранной» проблематики была заложена в конце 1960-х гг. и изначально базировалась на источниковой базе Гуверовского архива Стэнфордского университета. Начиная с 1990-х гг. британские и американские историки активно привлекают рассекреченные российские архивные материалы¹⁹.

Влияние большой политики на армию, а через нее и на устойчивость всего режима изучает и британский историк Уильям Фуллер. За основу он взял историю фабрикации двух крупных дел – контрразведчика Мясоедова и военного министра Сухомлинова. Основной вывод работы состоит в том, что «российская контрразведка приняла это (принципы дознания, при-

¹⁴ Айрапетов О. П. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 228–229.

¹⁵ Айрапетов О. П. Дело Мясоедова. Предвыборные технологии образца 1912 года // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; *Он же*. Дело Мясоедова. XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 2(23). С. 3–23; № 3(24). С. 113–133.

¹⁶ Греков Н. В. Опыт и проблемы развития отечественной контрразведки в 1905–1917 гг. (общероссийский и сибирский аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2000.

¹⁷ Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. С. 246–247.

¹⁸ Lauchlan I. Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002. P. 62.

¹⁹ Smith E. The Okhrana: The Russian Department of police. Stanford, 1967; Lieven D. The security police, civil rights and fate of the Russian Empire 1855–1917. Oxford, 1989; Zuckerman F. The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917. New York, 1996; Daly J. W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia 1866–1905. Northern Illinois, 1998; Lauchlan I. Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002.

мененные к Мясоедову и Сухомлинову. – В. Х.-Г.) за рабочую гипотезу, то есть стала исходить из того, что всякий человек – предатель, пока не доказано обратное. В идеологии русского контрразведчика периода Первой мировой войны – зародыш будущего сталинского сознания, в котором слились левая и правая концепции измены, сознания, замороженного призраками вероломных национальных меньшинств и вездесущих предателей»²⁰. Наряду с Грековым Фуллер ставит акцент именно на термине «шпиономания», а не на отдельных недостатках в работе контрразведывательных органов, как зачастую рассматривают репрессии того времени современные российские «ведомственные» историки спецслужб.

Как ни парадоксально, но отечественных исследований политического сыска последних лет империи (именно под углом безопасности режима и предотвращения революции) на тонкой грани соприкосновения полиции и внутренней политики немного. Традиционным жанром русской историографии политической полиции является описательный разбор системы функционирования органов сыска, отдельных направлений работы. Наиболее ярким и удачным примером таких работ является объемный труд Владлена Измозика по истории перлюстрации корреспонденции, фактически закрывающий тему²¹.

Надо отметить, что изучать дореволюционный политический сыск начали практически сразу после свержения монархии. Написанные в конце 1920-х – 1930-е гг. работы претендуют на научный характер и переиздаются даже в наши дни. Большинство их авторов или хорошо знали революционеров, или публиковали свои книги на средства общества ссыльных и политкаторжан. В 1930 г. вышла работа П. Е. Щеголева²², переизданная с несколько измененным названием в наши дни²³. Книга представляет собой смесь исследовательских очерков автора, кратких выдержек из показаний жандармов и секретных сотрудников. Именно на выводах этой работы базируются многие спорные тезисы советской историографии, такие как коррупция в политической полиции, массовая фабрикация дел, пресловутая вездесущность жандармов, провокация, якобы составлявшая всю соль жандармско-полицейской работы.

Авторы советских работ редко опирались на архивные источники, используя в основном опубликованную ведомственную литературу и мемуары. Закрытость значительной части архивов и недоступность мемуарного наследия русского зарубежья сильно сужала возможности историков. Большинство работ, так или иначе связанных с политической полицией, было посвящено периоду середины – второй половины XIX в.²⁴ Специальных работ по истории жандармерии и департамента полиции не было. Приятным исключением стала лишь диссертация Александра Миролюбова 1988 г., непосредственно посвященная деятельности департамента полиции и охранных отделений в годы Первой мировой войны²⁵.

Центральной для историографии 1990-х гг. является совместная работа российского историка Сергея Степанова и канадского ученого Чарльза Рууда²⁶. Это была одна из первых попыток непредвзято и комплексно изучить политический сыск. В первое постсоветское десятилетие выходит множество научных и научно-популярных работ по теме²⁷. Самым многосто-

²⁰ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 312.

²¹ Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века: монография. М., 2005.

²² Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

²³ Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.

²⁴ Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии: сборник статей / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 1986; Оржиховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982; Чукарев А. Г. Организация политического розыска царской России в XIX–XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 9. 1973. С. 160–169.

²⁵ Миролюбов А. А. Политический сыск России в 1914–1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 1988.

²⁶ Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

²⁷ Жухрай В. М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Он же. Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. М., 2006; Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002; Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002). СПб., 2001.

ронным исследованием политического сыска, и прежде всего департамента полиции, является пережившая уже два издания книга Зинаиды Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)». Автор «решила сосредоточиться на раскрытии взятой проблемы в „чистом виде“, почти полностью абстрагируясь от того общественно-политического контекста, в котором учреждениям политического сыска приходилось действовать»²⁸. Работа, написанная сотрудником Государственного архива Российской Федерации на основе значительного массива документальных источников, вывела всю историографию политической полиции на принципиально иной уровень, став настоящей энциклопедией сыска.

Характерной особенностью и общей чертой историографии является обоснование вывода о неготовности политической полиции противостоять революции – самим фактом свержения самодержавия. Она ярко выражена в диссертации Кирилла Романова, посвященной работе полиции в годы Первой мировой войны. Подробно рассматривая действия спецслужб накануне революции, он отмечает их неадекватность сложившейся острой политической ситуации, непонимание происходящих процессов, борьбу с революционерами, а не с причинами революции. С этой позицией сложно согласиться. На данный момент в историческом и публицистическом дискурсе Февральской революции существует два глобальных взгляда на ее причины и механизм. Первый, наиболее распространенный рассматривает ее как результат длительного политического процесса, выразившегося в массовом антиправительственном выступлении. Сторонники этой позиции полагают, что у революции не было конкретных архитекторов, а были лишь вдохновители и руководители. Второй взгляд, возникший в среде русской эмиграции и набравший особую силу в России в последнее десятилетие, рассматривает события февраля 1917 г. как результат широкого политического заговора представителей правящей элиты, включая высшее политическое и военное руководство страны. Однако ни состояние народного бунта, ни «измены элиты» никак не вписываются в предмет ведения царского политического сыска. Его основной задачей была борьба с попытками ниспровержения существующего строя прежде всего революционными партиями и группами. И надо отметить, что работа сыска на этом направлении была весьма эффективной. Ситуация бунта требует не ювелирной работы жандармского следователя, а силового подавления военизированными карательными подразделениями. Обеспечение решения этой задачи, равно как и организация идеологического и политического контроля над правящей элитой, является безусловной прерогативой высшей государственной власти. В годы войны политический сыск был вынужден столкнуться с решением не свойственных ему задач при почти полной индифферентности к его работе со стороны императора и Совета министров.

Во многом поэтому требуется комплексное изучение работы политического сыска, контрразведки, руководства армии и МВД, явных и скрытых механизмов взаимодействия этих структур по двум основным вопросам: политического будущего самодержавного режима и победы в войне. Важно установить, чем же являлись органы государственной безопасности на практике, каковы были их реальные возможности, какие к ним предъявлялись требования (кроме абстрактной охраны режима); выяснить, было ли идентичным понимание и готовность обеспечивать политическую безопасность самодержавия в руководстве политического сыска и конкретных жандармских подразделениях на местах, а также выявить направление развития спецслужб и политического режима.

В работе были использованы архивные источники Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки,

²⁸ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 3.

Архива-музея Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Центрального государственного исторического архива Украины. Большинство из них вводится в научный оборот впервые.

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, а также лично д. и. н. З. И. Перегудовой, к. и. н. Л. В. Ульяновой, к. и. н. О. Р. Айрапетову, д. и. н. Ф. А. Гайде, д. ф. н. Г. Ч. Гусейнову, к. и. н. А. Н. Машкину (за помощь с документами ЦГИА Украины).

I

Синие мундиры. Личный состав и кадровая политика

Подбор и подготовка кадров – один из основных показателей, по которым можно охарактеризовать работу, проблемы и специфику любого государственного учреждения. Для специальных служб вопрос кадровой политики является ключевым. От уровня профессионализма сотрудников, интеллектуальных способностей, их социальной принадлежности зависит не только эффективность работы ведомств, но и само направление деятельности. Какие ценности были призваны защищать офицеры спецслужб? На борьбу с каким противником были направлены их усилия? Какова была их мотивация при поступлении на службу? Без ответов на эти вопросы невозможно давать оценки работы и степени подготовленности руководящего состава сыска к политическим реалиям начала XX в.

Костяк кадрового состава специальных служб империи составляли офицеры Отдельного корпуса жандармов. Они занимали руководящие должности не только в самих жандармских управлениях и строевых частях корпуса, но и руководили большинством охранных отделений, служили опорой Особого отдела департамента полиции МВД, занимали ключевые посты во многих контрразведывательных управлениях, были ведущими аналитиками и розыскниками.

Жандармские курсы

Система отбора и подготовки жандармских офицеров складывалась постепенно, усложняясь, реагируя на новые политические условия, технологии и приемы ведения розыска и дознания исходя из насущных требований государства. Вплоть до правления Александра II никаких регламентированных правил приема в жандармерию просто не существовало. Положение о корпусе жандармов 1867 г. ввело лишь общие принципы и минимальные ограничения. Это был рамочный документ. Отбором штаб- и обер-офицеров занимался исключительно шеф корпуса жандармов²⁹. Для поступления на службу необходимо было иметь среднее военное образование и прослужить офицером в войсках на фронте не менее пяти лет. В Московский и Петербургский жандармские дивизионы разрешался перевод после трех лет службы. В жандармы не брали сильно пьющих, известных аморальным поведением офицеров, состоявших в штрафах по суду и следствию, а также имевших какие-либо задолженности, пусть даже и частные долги³⁰.

Рост революционного движения, серия покушений на императора и полная растерянность политического сыска подтолкнула шефа жандармов графа П. А. Шувалова к проведению кадровой реформы. 17 мая 1871 г. он утвердил первые правила для приема в корпус жандармов³¹. Правила дополняли Положение о корпусе жандармов необходимостью знания офицерами местных и иностранных языков. Была создана специальная комиссия для приема в корпус. В состав первой комиссии во главе с помощником начальником штаба корпуса вошли четыре человека: юрисконсульт шефа жандармов М. Н. Баженов, начальник штаба корпуса жандармов А. Н. Никифораки, начальник Радомского ГЖУ полковник Рябинин и заведующий первым деломпроизводством старший адъютант штаба полковник А. К. Зарубин.

29 мая 1871 г. состоялось первое заседание приемной комиссии. По итогам ее работы 17 июня шефу жандармов был представлен отчет. На полях отчета Шувалов написал: «Очень радуюсь этому началу. Число отвергнутых офицеров ясно доказывает пользу нового учреждения (комиссии). Надеюсь, что гг. члены будут постоянно в виду того, что от них зависит будущее корпуса и добрая его слава»³². Первоначально комиссия лишь проверяла глубину познаний и общий интеллектуальный уровень офицеров, а сама система подготовки и чтения лекций не была еще разработана. Единственным предметом было уголовное право.

В пореформенный период система подготовки кадров политического сыска только создавалась, но касалась она в основном офицерского корпуса. Положение же унтер-офицерского и рядового состава жандармерии с точки зрения минимальных познаний было крайне низким. Так, на 1 января 1873 г. 12 % жандармских унтер-офицеров не умели читать и писать. Четверть из них только на службе научились грамоте. Ситуация с подготовкой унтеров улучшилась лишь к 1890-м гг., когда все смогли «излагать свои донесения на бумаге удовлетворительно»³³.

В 1882 г. под руководством начальника штаба корпуса жандармов князя М. А. Кантакузина были составлены новые подробные правила приема³⁴, согласно которым департамент полиции был обязан предоставлять ежегодно одного чиновника для чтения лекций и участия в приемной комиссии. Жандармские курсы превратились в межведомственную структуру.

²⁹ Положение о корпусе жандармов 1867 г. § 45 // Полное собрание законов. 2-е собрание. Т. 42 (1867 г.). Отделение 2-е. № 44956 (далее – Положение 1867 г.).

³⁰ Там же. § 47, 52.

³¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4009. Лл. 2–5.

³² Там же. Л. 14–15об.

³³ Сафонов Д. А. Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3(7). С. 80.

³⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5973. Лл. 1–12.

Серьезные изменения, начавшиеся в 1890-е гг., были связаны с появлением новых предметов и углублением курсов изучавшихся наук. 27 августа 1894 г. циркуляром штаба ОКЖ № 41 были приняты к руководству и исполнению новые правила³⁵. Выбор офицеров для приема в корпус являлся прерогативой командира, то есть товарища министра внутренних дел. На деле же руководство жандармскими курсами легло на плечи начальника штаба корпуса.

Согласно параграфу 2 правил, офицеры «в корпус жандармов переводятся из всех родов оружия или определяются из запаса или отставки». Все определяющиеся в корпус офицеры должны были иметь военное образование по 1-му разряду, а при неимении такого – окончить юнкерские училища по 1-му разряду³⁶. Это считалось высоким образовательным цензом. 1-й разряд свидетельствовал о том, что окончивший училище подпоручик имеет по военным предметам в среднем не менее 8 баллов, по поведению и знанию строевой службы – не менее 9 баллов, а по остальным предметам – не менее 6 баллов³⁷ при 10-балльной системе. Из правила делались исключения лишь для способных офицеров, окончивших военное училище по 2-му разряду. Обычно второразрядники направлялись на службу в менее важные жандармско-полицейские управления железных дорог. Можно привести пример М.А. фон Беринга, окончившего Варшавскую гимназию и Тверское кавалерийское училище по 2-му разряду и 22 июня 1904 г. в обход правил принятого в корпус³⁸. Исключение было не случайным. В справке департамента полиции, составленной на него 31 января 1916 г., сказано: «Ротмистр Беринг выделяется среди чинов жандармской полиции железных дорог в Туркестанском крае своими выдающимися служебными достоинствами, своей высоко полезной и неустанно энергичной деятельностью. Прекрасно осведомленный в материальном уголовном праве и процессуальных железнодорожных уставах и правилах, ротмистр Беринг всегда стоит на почве закона и в строгих его рамках. Его дознания всегда исчерпывающе полны и всегда получают, при правильной квалификации преступления или проступка, направление законной подсудности... В большую заслугу ротмистру Берингу должно быть поставлено его умелое воспитание в духе законности и служебной энергии и распорядительности унтер-офицеров вверенного ему отделения... Глубокая порядочность и честность ротмистра Беринга, в связи с его служебной дисциплинированностью и высокой корректностью, ставят его в ряды высоко полезных чинов жандармской полиции»³⁹. Однако в общей массе перворазрядники составляли подавляющее большинство.

Особую когорту в ОКЖ составляли выпускники военных академий – Генерального штаба, Артиллерийской, Военно-юридической. Таких чинов было очень мало. В своих воспоминаниях бывший директор департамента полиции К. Д. Кафафов дает им высокую оценку, отмечая их как «людей очень воспитанных и образованных, которых охотно принимали повсюду»⁴⁰. По его мнению, это была наиболее способная часть офицерского состава. Все поголовно начальники штаба корпуса были выпускниками Николаевской академии. Из прочих жандармских офицеров, окончивших Академию или несколько лет проучившихся в ней, можно назвать генерал-майоров К. И. Глобачева, последнего начальника Петроградского охранного отделения (1915–1917), М.Ф. фон Котена, начальника Петербургского охранного отделения в 1910–1914 гг., подполковников Г. Д. Джакели, П. В. Гуза, Я. А. Тимофеева⁴¹.

³⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 5–7об. (Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов 1894 г; далее – Правила 1894 г.).

³⁶ Свод военных постановлений 1869 года. Часть II. Кн. VI. Разд. II. Гл. 15. Ст. 233. СПб., 1891.

³⁷ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 138–139.

³⁸ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 84. Лл. 34–35.

⁴⁰ Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Лл. 97–98.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 358. Лл. 61, 61об., 75об.–82, 423–482об.

Переводиться в корпус разрешалось чинам не выше штабс-капитана или штабс-ротмистра⁴². В Положении о приеме офицеров в ОКЖ 1913 г. был оговорен возраст поступающих – от 24 до 33 лет⁴³.

Сразу после подачи офицером краткой записки о службе и докладной записки на имя начальника штаба о желании служить в корпусе штаб начинал сбор сведений о личностных и деловых качествах кандидата⁴⁴. С 1872 г. по приказу шефа жандармов все обязанности по наведению справок о служебных и нравственных качествах кандидатов лежали на начальнике штаба⁴⁵, который перепоручал это начальнику жандармского управления той местности, где проживал или служил офицер, изъявивший желание перевестись в жандармерию. Начальник ГЖУ был обязан выяснить: 1) нравственные качества и способности просителя, 2) усердие на предыдущей службе, 3) репутацию среди начальников и сослуживцев, 4) знание местных и иностранных языков⁴⁶. Давалась характеристика его коммуникабельности, связям, наличию или отсутствию качеств лидера, работоспособности, усвоению обязанностей⁴⁷. На практике не всегда можно было провести оперативное и подробное выяснение личностных качеств офицера. Поэтому начальник ГЖУ обращался непосредственно к командиру подразделения, в котором служил офицер, и тот, в свою очередь, давал им оценку. Зачастую этот сбор информации продолжался даже после успешной сдачи офицером предварительного испытания.

Офицеры, которые подходили по всем параметрам для службы в корпусе, определялись для прохождения предварительного испытания с целью отбора наиболее всесторонне развитых для внесения их в список кандидатов на прикомандирование к штабу ОКЖ⁴⁸. Испытание выясняло лишь общее развитие офицера. Долгое время не существовало четко прописанной суммы знаний, которая требовалась при ответе. Не был утвержден необходимый список книг, хотя в неофициальном порядке существовали рекомендуемые пособия. Офицер должен был разбираться в русской и всеобщей истории, географии, государственном устройстве страны, важнейших действовавших законодательных актах и реформах последних правлений (положение о земских начальниках и их учреждениях, положение о полиции, о службе на железных дорогах, судебная и крестьянская реформы Александра II)⁴⁹. Испытание состояло обыкновенно из написания сочинения на историческую тему и устного экзамена.

Сочинения, написанные на предварительных испытаниях, сохранились в некоторых архивных делах о переводе офицеров в корпус и представляют значительный интерес. Некоторые офицеры уже заранее знали, чем хотели бы заниматься в политическом сыске, и эту тему развивали в сочинениях. Так, штабс-капитан В. В. Владимиров посвятил сочинение вопросам борьбы с революционной агитацией в армии и на флоте, укрепления отношений между нижними чинами и офицерами⁵⁰. Именно этим в течение почти десяти лет он будет заниматься на различных руководящих постах в Кронштадтской и Финляндской жандармериях. Также представляет интерес вступительное сочинение штабс-капитана барона М. Ф. фон Котена, посвященное роли полиции в обществе. После достаточно шаблонного перечисления происхождения полиции, ее значения для поддержания общественного порядка и безопасности, защиты

⁴² Правила 1894 г., Правила 1897 г. § 3.

⁴³ Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов: утверждено его высокопревосходительством шефом жандармов гофмейстера двора Его Величества Маклаковым. СПб., 1913 (далее – Положение о приеме 1913 г.). § 2.

⁴⁴ Правила 1894, 1897 гг. § 5, 6.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4128. Лл. 1–5.

⁴⁶ Правила 1894, 1897 гг. § 7. Положение о приеме 1913 г. § 6.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19851. Лл. 95–96.

⁴⁸ Положение о корпусе 1867 г. § 46; Правила для приема 1897 г. § 10, 12; Положение о приеме 1913 г. § 9, 17.

⁴⁹ Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 45.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12527. Лл. 5–6.

прав и имущества граждан, неоднократно намекнув на желание служить именно в охранных отделениях, в последнем абзаце сочинения Котен неожиданно ставит на первое место не карательные функции, а деятельность по предупреждению преступлений⁵¹. Именно он станет в 1912 г. главным идеологом введения практики превентивной юстиции, то есть административного наказания граждан не за совершение преступлений, а лишь за возможность их совершить, за чисто теоретическое намерение выступить против режима.

В 1913 г. в Положение о приеме были внесены значительные коррективы, связанные с желанием точно определить и зафиксировать набор знаний и рекомендуемые пособия. Испытание, как и раньше, состояло из письменной и устной частей. Если устная часть экзамена базировалась в основном на приведенной в Положении программе испытаний, то тема письменной работы могла быть исторической или литературной. Последняя подразумевала знание основных произведений русских писателей⁵². Литературные темы давались гораздо реже исторических, но сам факт их существования говорит о сравнительно высоком культурном уровне жандармских офицеров. При этом надо отметить, что составители положения особо оговаривали круг этих авторов – писатели классические, то есть исключались современные или оппозиционные литераторы.

Программа была составлена подробно и издавалась в виде экстракта из Положения о приеме. 7 февраля 1914 г. командир корпуса В. Ф. Джунковский приказал ознакомить с Положением «всех офицеров, которые пожелают перейти на службу в корпус жандармов, и выдавать им программы предварительных испытаний»⁵³. Программы рассылались во все жандармские управления, дивизионы, а также в большое количество других подразделений Военного министерства и Министерства внутренних дел. Штаб стремился тратить на подготовку офицеров минимальное количество финансовых средств. Все учебные пособия, как для предварительного испытания, так и во время обучения на жандармских курсах, офицеры приобретали за свой счет⁵⁴.

Первым и одним из главных предметов считалось право. Несмотря на то что в программе этот предмет расписан довольно скупо, на практике отвечать надо было весьма подробно⁵⁵. Прежде всего давалось определение праву, его содержанию и задачам, рассматривались его основные категории. Офицеры должны были разбираться в государственном, полицейском, уголовном и гражданском праве России, а также в международном праве. Давалось понятие о международных отношениях и нормах. Недостаточная глубина имущественного и финансового права в программе отчасти восполнялась политической экономией: изучались такие категории, как труд, капитал, общее учение о производстве, прибыль с капитала, доход. Рассматривался государственный бюджет, кредитно-денежная и страховая системы. Отдельно уделялось внимание рабочим союзам. При подготовке к вопросам по этой теме рекомендовался курс И. М. Кулишера. Привлечение крупного молодого историка-экономиста говорит не только о серьезном отношении жандармского ведомства к знанию офицерами экономики, но и об их стремлении следовать за самыми современными исследованиями. Интерес к экономике, пусть и в рамках популярного курса, объясняется ростом количества производственных конфликтов, экономических забастовок в начале века, дававших почву недовольствам и росту революционного движения.

В курсе русской истории особое внимание уделялось правителям, властным институтам и армии, а также развитию права. Курсивом выделяется пункт «Русская правда». Среди

⁵¹ Там же. Д. 9738. Лл. 4–5.

⁵² Положение о приеме 1913 г. § 15.

⁵³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Л. 15.

⁵⁴ Положение о приеме 1913 г. § 32.

⁵⁵ Там же. § 14.

подразделов русской истории есть «Русь Юго-Западная», где рассматривалась история Киевщины, Подолии, Волыни и Галиции от князя Даниила Романовича до уничтожения Екатериной II Запорожской Сечи. Известный сепаратизм присоединенных от Польши Восточных Кресов определял и тематику вопросов, рассматривавшихся в истории Юго-Западной Руси. Борьба с униатами на территории Украины, проводившаяся в том числе и силами корпуса жандармов, ставила на первое место в истории этого региона религиозный аспект. Изучалась Брестская уния, деятельность ордена иезуитов, история православных братств, Киево-Могилянской академии, история казачества в ракурсе его борьбы с Польшей.

Курс всеобщей истории рассматривался в программе лишь в рамках новейшей истории Западной Европы 1815–1913 гг. Среди вопросов преобладали дипломатия, войны, революции и национальные вопросы. Отдельное внимание уделялось панславизму и росту славянского национального самосознания. На славян отводилось шесть из тридцати (то есть 20 %) вопросов по истории Европы. В основном авторы вопросника концентрировались на Германии, Франции, Австро-Венгрии, чуть меньше – на Великобритании. Вместо Османской империи рассматривался восточный вопрос и Крымская война в аспекте взаимоотношений великих держав. Около шести вопросов прямо или косвенно посвящены истории объединения Германии. Проблемы становления Германской империи и роста национальных движений в Европе, исходя из содержания программы, кажутся приоритетными для руководства корпуса жандармов. В то же время социально-экономическая история не выделялась специальным вопросом.

Отдельный блок из 46 вопросов посвящен истории Великой французской революции. Он в 1,5 раза превосходит по объему блок вопросов, посвященных всей новейшей истории Европы, хотя и меньше блока вопросов по русской истории. Предполагалось, что офицеры знали не только ход революции, но и всю историю Франции со времен Ришелье до Наполеона Бонапарта. Отвечающий на вопрос по Французской революции должен был разбираться не только в событиях и хронологии, но и иметь представление об идейной борьбе в предшествующие революции десятилетия, а также в лагере революционеров. После 1905 г. революция в России стала реальностью, поэтому пример французских событий должен был дать жандармам понимание механизмов революционного процесса.

Последним блоком устных вопросов шла география Российской империи, включавшая вопросы о добывающей и обрабатывающей промышленности страны, внутренней и внешней торговле. В географическом блоке были также вопросы об устройстве военных округов, военных портов и крепостей. Необходимо было также знать военное начальство.

На предварительное испытание вызывалась обычно группа из 20–40 офицеров. Каждому из них приходило личное приглашение на специальном бланке за подписью делопроизводителя комиссии⁵⁶. Форма одежды полагалась парадная. Офицеры надевали мундир того полка, в котором числились на момент сдачи экзамена. Состав экзаменационной комиссии был внушительным и мало отличался от того, с которым будущий жандарм сталкивался по окончании специальных курсов. Председательствовал в комиссии начальник штаба корпуса. В ее состав входили генерал или штаб-офицер для особых поручений при Главном управлении ОКЖ, чиновник от департамента полиции, а также будущие преподаватели жандармских курсов, в основном старшие адъютанты штаба⁵⁷. На устном экзамене предлагались своеобразные тесты на сообразительность и внимательность. Один из них в своих мемуарах приводит полковник Мартынов: «А что написано на спичечной бандероли? (надо было ответить, что на ней отмечена наличность семидесяти пяти спичек в коробке!)»⁵⁸.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15973. Л. 3.

⁵⁷ Правила о приеме 1897 г. § 10, прим. 1.

⁵⁸ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 46.

Предварительное испытание проводилось в два этапа. Лицо, успешно выдержавшее устный экзамен, на следующий день допускалось до написания сочинения⁵⁹. Каждый член комиссии ставил свою оценку за письменное и устное испытания. По итогам экзамена на претендента составлялась ведомость, в которую заносились все оценки, поставленные всеми преподавателями, а также два средних балла – по устной и письменной части. В конце ведомости ставился общий балл⁶⁰. В корпусе не было принято округление средних баллов в сторону их завышения или занижения. Так, нередко можно было встретить такие общие оценки, как 9½ балла⁶¹. Это говорит о пунктуальности и корректности офицеров при выставлении оценок.

Успешно пройдя предварительное испытание, офицер должен был приступить к непосредственной подготовке к службе в корпусе жандармов на учрежденных в 1871 г. штабных курсах⁶². Их цель заключалась в «ознакомлении офицеров со всеми отраслями той специальной службы, которую несут офицерские и нижние чины корпуса жандармов»⁶³. На деле же, по воспоминаниям самих жандармов, они получали огромное количество сведений, но только не тех, которые имели непосредственное отношение к реалиям политического розыска⁶⁴. Современную оперативную практику начали преподавать на курсах только во второй половине 1900-х гг. В течение всего периода существования курсов формально декларировалась необходимость уделять большее внимание не теории, а практике сыска. Однако именно эта часть жандармской подготовки была организована из рук вон плохо. Вплоть до 1910-х гг. жандармов практически не знакомили со свежими делами, давая на разбор старые из архива департамента полиции. Это приводило к тому, что после окончания курсов офицеры должны были самостоятельно доучиваться⁶⁵.

В 1909–1913 гг. по инициативе командира ОКЖ генерал-майора П. Г. Курлова была проведена серьезная реформа жандармских курсов. Вот как он объясняет начатые преобразования: «Мое назначение дало мне возможность приступить к исправлению... недостатка в корпусе, на который я обратил внимание еще во время моей службы в департаменте полиции. Революционное движение не осталось без серьезных изменений со времени 60-х годов. К нему присоединилось широкое общественное движение, деятельность которого, будучи направлена против правительства, давала почву для развития работы революционных партий. Я был убежден, что бороться с этим разрастающимся движением одними полицейскими и карательными мерами невозможно, что правительству необходимо широкое ознакомление с движением... Жандармские офицеры были не в состоянии удовлетворить указанной жизненной потребности правительства, так как не обладали для этого необходимым образованием, причем недостаток его не пополнялся сведениями, которые они получали на кратковременных подготовительных курсах перед переводом в корпус»⁶⁶.

В связи с тем, что назначение Курлова совпало с началом выпускных экзаменов на курсах, он по собственной инициативе присутствовал на каждом экзамене и сделал необходимые выводы. Курлов пишет: «Я выработал целый ряд... мероприятий, настаивая на большей продолжительности занятий на курсах и расширении программы преподавания в сторону более подробного ознакомления с разветвлениями современной общественной жизни. Мне не уда-

⁵⁹ *Стиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 31.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15989. Л. 1.

⁶¹ Там же. Л. 6.

⁶² Там же. Д. 4009.

⁶³ Инструкция 1909 г. § 3.

⁶⁴ *Стиридович А. И.* Записки... С. 37–38; *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 57.

⁶⁵ *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 23.

⁶⁶ *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 140–141.

лось полностью осуществить эту мысль... и я должен был ограничиться расширением программ курсов по общеобразовательным предметам»⁶⁷.

По его поручению начальник штаба Д. К. Гершельман разработал и представил командующему корпусом Инструкцию о порядке ведения занятий на офицерских курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов. 19 октября 1909 г. она была утверждена. Предметы были разделены на главные и второстепенные. В числе главных, кроме устройства корпуса, прав и обязанностей его чинов, были политический розыск и история революционного движения. На этот предмет решили выделить наибольшее количество часов в неделю – 8. Еще по 4 часа было отведено на производство дознаний и устройство корпуса, 6 часов – на железнодорожную полицейскую службу. Для сравнения: на уголовное и государственное право отводилось по 1 часу в неделю. Это было связано с желанием руководства корпуса сократить преподавание теоретических дисциплин в угоду политическим партиям и практике розыска.

Распределение предметов по часам было таково, что 4 главных предмета занимали 22 часа в неделю, то есть более 90 % времени, а 2 второстепенных – только 2 часа, или 10 % времени. Кроме предметов, включенных в программу, преподавались также антропометрия и дактилоскопия⁶⁸. В рамках реформы в 1910 – начале 1911 г. коллективом чинов департамента полиции был составлен вопросник по истории революционного движения. По воспоминаниям П. П. Заварзина, почти все курсанты занимались с книгами и пособиями до поздней ночи каждый день⁶⁹. Имело место массовое переутомление офицеров.

В 1909 г., еще до издания инструкции, департамент начал требовать от штаба корпуса усилить подготовку по праву. Большинство его сотрудников имели высшее юридическое образование и считали его отсутствие у жандармов недостатком. 15 февраля 1909 г. исполняющий обязанности вице-директора С. Е. Виссарионов пишет: «Программу прошлогоднего курса я признаю необходимым расширить, сообщив общие сведения из энциклопедии права, об обязанностях и правах подданных, об основных чертах государственного устройства Англии, Германии, Франции, Швейцарии и Американских Соединенных Штатов. Кроме того, я ввел в курс истории государственной власти возрождение и укрепление самодержавия и общему учению о министерствах предпослал очерк учреждений, предшествовавших министерствам (приказы, коллегии). Несмотря на расширение программы, выполнить курс удалось вследствие того, что занятия велись хотя и раз в неделю, но, начинаясь с часу дня, заканчивались в 6-м часу. Последние недели чтения производились через день. Всего употреблено на чтения приблизительно 45 часов. Кроме того, два раза мной применялась репетиционная система, причем гг. офицеры вызывались отвечать по собственному желанию. Степень усвоения и уровень знания на репетициях оказались значительно выше средних»⁷⁰.

Департамент полиции рассматривал корпус жандармов как некий исполнительный придаток и всеми силами старался переделать жандармское образование исключительно под свои нужды, не считаясь с функциональными потребностями корпуса. Курлов, Гершельман, а потом и Джунковский старались, принимая отдельные указания и помощь департамента, противостоять этой тенденции. Несмотря на то что докладная записка Виссарионова была одобрена, серьезного расширения курса государственного права так и не произошло.

По окончании чтения курса лекций каждый преподаватель был обязан докладывать о подготовке офицеров начальнику штаба корпуса⁷¹. Комиссия, проводившая испытания, по своему составу ничем не отличалась от той, через которую проходили офицеры, только определяв-

⁶⁷ Там же. С. 141.

⁶⁸ Инструкция 1909 г. § 6, 7.

⁶⁹ Заварзин П. П. Указ. соч. С. 23; Мартынов А. П. Указ. соч. С. 57.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 1–1об.

⁷¹ Положение о приеме 1913 г. § 33; Правила о приеме 1897 г. § 16.

шиеся на курсы. Выпускные экзамены сдавали более или менее успешно большинство «курсантов»⁷². Цель этого экзамена состояла в том, чтобы ранжировать офицеров по способностям и уровню подготовки. Это было важно для дальнейшего распределения по должностям. Если офицеры не выдерживали выпускного экзамена, но были хорошо аттестованы преподавателями, то их могли допустить до переэкзаменовки. Эта практика говорит о том, что для корпуса было предпочтительнее подготовить хороших офицеров из заранее отобранных по складу ума и общему развитию кандидатов, а не проводить еще один отбор.

Всего офицеры сдавали 6 предметов. Антропометрия, дактилоскопия и шифровальное дело не выносились отдельным экзаменом, однако успеваемость по ним проверялась в ходе практических занятий. Оценка проводилась по 12-балльной системе, причем баллы ниже 6 считались неудовлетворительными⁷³. Офицеры, аттестованные оценками выше 5 баллов по каждому предмету, считались успешно сдавшими экзамен⁷⁴. По окончании экзаменов в тот же день определялся средний балл для каждого офицера по каждому предмету, а затем – персональный средний балл по всем предметам⁷⁵. Из этих персональных средних баллов и составлялся список офицеров по старшинству.

На следующий день после последних выпускных испытаний около 10 часов утра офицеры вызывались в штаб корпуса «для разборки вакансий»⁷⁶. Возглавлявшие список офицеры получали наилучшие вакансии⁷⁷. В понимании руководства корпуса, а также офицеров, желавших заниматься реальной борьбой с революцией, это были Московское, Петербургское и Варшавское охранные отделения и некоторые жандармские управления. Поэтому лучшим офицерам предлагались должности адъютантов именно при этих учреждениях. Среди офицеров, не интересовавшихся живо вопросами политического сыска, а искавших хороших денег и спокойной службы, особенно популярны были должности на частных железных дорогах. Там, кроме денежного довольствия и льгот, они получали еще и солидные премии от владельцев. Многие из первых в списке аттестации офицеров отказывались от элитных вакансий и выбирали частные железные дороги⁷⁸.

Единственная возможность получить не предложенный, а желаемый пост в корпусе состояла в том, чтобы заручиться рекомендательными письмами, иметь в корпусе хорошие дружеские или родственные связи. О некоторой закрытости для «не своих» людей поступления в корпус пишет генерал Спиридович: даже при удовлетворении всех формальных условий офицеру без протекции было очень тяжело даже попасть на жандармские курсы. Это было связано с большим количеством желающих служить в корпусе⁷⁹. Так, будущий начальник Московского и Варшавского охранных отделений и выдающийся офицер политического сыска П. П. Заварзин смог поступить в корпус на желаемую должность только благодаря личному рекомендательному письму начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала от инфантерии Г. А. Леера⁸⁰. А будущий крупный руководитель военной контрразведки князь В. Г. Туркестанов вообще провалился в самом начале, заняв одно из самых последних мест в списке кандидатов на прикомандирование к корпусу, и был включен лишь по личному ходатайству Могилевского губернатора⁸¹.

⁷² Мартынов А. П. Указ. соч. С. 58.

⁷³ Положение о приме 1913 г. § 36.

⁷⁴ Там же. § 39.

⁷⁵ Там же. § 37, 38.

⁷⁶ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 59.

⁷⁷ Положение о приме 1913 г. § 40.

⁷⁸ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 58.

⁷⁹ Спиридович А. И. Записки... С. 30.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8318. Л. 3.

⁸¹ Там же. Д. 8208. Лл. 11–13.

Не менее выдающийся и одаренный, чем Турке-станов или Заварзин, офицер А. В. Герасимов, руководивший в 1905–1909 гг. Петербургским охранным отделением и фактически подавивший Первую русскую революцию в столице, испытывал в свое время большие проблемы с поступлением в корпус. Происходивший из детей купеческого звания города Николаева Херсонской губернии и служивший подпоручиком в 61-м резервном пехотном полку, он не имел ни высокопоставленных родственников, ни друзей – покровителей семьи. В течение двух лет проживая за свой счет в Санкт-Петербурге, Герасимов безуспешно ходатайствовал о переводе его на курсы при штабе корпуса. В конце концов, отчаявшись, он написал личное письмо начальнику штаба генералу Н. И. Петрову, пожаловавшись на свое неопределенное служебное и отчаянное материальное положение⁸². Только после такого неординарного поступка Герасимов был допущен к поступлению на курсы. Таким образом, не только получить распределение после экзаменов, но и просто попасть на жандармские курсы офицеру было крайне затруднительно.

⁸² Там же. Д. 6676. Л. 11.

Предметы и преподаватели

Решающую роль в процессе получения образования играл уровень преподавательского состава и учебные пособия. Изначально на жандармских курсах исключительно читались лекции, которые не только не были сведены в опубликованные сборники, но и не сопровождались никакими пособиями. Все, что было в распоряжении курсантов, – бывшие дела III отделения⁸³. В дополнение к лекционному материалу курсанты приобретали необходимые сборники законов. Если с учебниками по русской и всемирной истории, географии или политэкономии все обстояло довольно просто (использовались обычные университетские пособия), то по важнейшим предметам – истории революционного движения, ведению дознания, устройству корпуса жандармов – таких пособий долгое время не было.

В 1880-х гг. были предприняты две попытки систематизировать историю русского революционного движения. В 1882 г. по поручению директора департамента полиции В.К. фон Плеве чиновником особых поручений при министре внутренних дел графом С. С. Татищевым была издана книга «Социально-революционное движение в России. Судебно-полицейская хроника. 1861–1881»⁸⁴. Достоинством книги являлся биографический указатель упоминаемых революционеров и общественных деятелей. В связи с отставкой Татищева в 1883 г. издание затормозилось и работа была перепоручена чиновнику особых поручений при департаменте полиции князю Н. Н. Голицыну, опубликовавшему в 1887 г. десятую главу своей книги «История социально-революционного движения в России. 1861–1881», посвященную русской революционной эмиграции в Швейцарии.

Несколько лучше обстояло дело с пособиями по розыску и ведению дознания. Еще в 1851 г. в Санкт-Петербурге в типографии III отделения были изданы Правила о порядке производства следствий для руководства по корпусу жандармов. Издание представляло собой извлечение из законов 1842 г., систематизированное в 161 параграф. Позднее оно несколько раз дорабатывалось и было доступно для офицеров, обучавшихся на курсах. С разрешения начальника штаба ОКЖ генерала Н. И. Петрова в 1885 г. (первое издание), а затем в 1888 г. (второе издание, исправленное и дополненное) вышло в свет составленное полковником А. А. Поповым «Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний». В книгу вошли объемные выдержки из Уложения о наказаниях, сведения о судебной системе и ее компетенции, дознание и уголовное судопроизводство, ведение протоколов с образцами и бланками, положение об усиленной охране, о полицейском надзоре, об административной высылке, железнодорожный устав, многочисленные приложения (определение закона, государственные и сословные учреждения), формы бумаг по жандармским дознаниям и многое другое. По сути, это было первое жандармское издание, использовавшееся как учебное пособие.

Со второй половины 1890-х гг. уровень жандармской подготовки значительно возрос. В числе первых авторов был глава комиссии по производству предварительного испытания, читавший на курсах лекции по организации корпуса жандармов, генерал-майор В. И. Добряков⁸⁵. С 1891 г., находясь на должности заведующего судной частью штаба ОКЖ, он взялся за систематизацию различных приказов и циркуляров по устройству корпуса. Результатом стал изданный в 1897 г. «Систематический указатель приказов по Военному ведомству, циркуляров Главного штаба, приказов по Отдельному корпусу жандармов и циркуляров штаба сего корпуса, объявленных для сведения руководства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям». Указатель охва-

⁸³ Мартышов А. П. Указ. соч. С. 57.

⁸⁴ Сидорова М. В. Историк с Фонтанки, 16 // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 42.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15989. Л. 27.

ывал почти все действовавшие приказы и циркуляры, изданные до 1 июля 1896 г., а вышедшее в 1900 г. Дополнение к указателю охватывало также период с 1 июля 1896 г. по 1 января 1900 г.

В 1900 г. выходит новая работа Добрякова – «Систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до служебной деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям». Это издание объемом более 450 страниц фактически являлось энциклопедией жандармской службы. В нем освящен широчайший круг вопросов – от состава, назначения и устройства жандармерии до чинопроизводства, перемещений по службе и правил ношения орденов и медалей. Книга содержит как полные тексты, так и краткие выдержки из законов и подзаконных актов, касающихся жандармской службы, и является лучшим пособием по устройству корпуса жандармов. В связи со значительными изменениями в области дознания и розыска, произошедшими во второй половине XIX в., Добряков опубликовал в 1895 г. «Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний». Этот свод дважды дополнялся автором и переиздавался в 1897 и 1903 гг. В последнем, третьем издании 1903 г. его объем составил более 650 страниц. Несмотря на то что Добряков не читал этого курса лекций, его краткий свод с 1895 по 1908 г. был основным пособием, отражавшим все нормативные акты, касавшиеся производства дознаний.

На курсах при штабе в течение 1900-х гг. лекции по ведению дознания читал чиновник особых поручений V класса при департаменте полиции коллежский советник С. В. Савицкий. В 1908 г. он опубликовал «Систематический сборник циркуляров департамента полиции и штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний». В сборник были включены все действующие циркуляры, приказы и некоторые законоположения, вошедшие в программу курсов для занятий по производству дознания в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства и переписок в порядке Положения об охране.

По политическому розыску пособий как таковых не было. В течение многих лет этот курс читал А. И. Спиридович, преподававший также историю революционного движения. Его лекции по политическому розыску, названные «Курс полковника Спиридовича», были не раз отпечатаны кустарным способом и распространялись среди офицеров, обучавшихся на курсах. Свою первую лекцию он начинал так: «Во всяком государстве имеются люди, недовольные существующим политическим строем и стремящиеся к изменению такового. Изменение государственного строя может быть произведено двояким способом: 1) путем постепенных реформ, проведенных через законодательные учреждения страны, и 2) путем насильственным – революционным. В каждом государстве считается необходимым всеми мерами бороться со сторонниками насильственного изменения существующего строя. В России эта борьба возложена на чинов Отдельного корпуса жандармов, которые осуществляют эту борьбу чрез „политический розыск“. Сущность политического розыска заключается в знании всего того, что делают, кто делает и как делают революционное дело, а также что революционеры предполагают в будущем»⁸⁶.

Спиридович четко разделяет общественное и революционное движения, объявляя последнее главным врагом государства и полиции. Вообще жандармов после Манифеста 1905 г. не готовили к борьбе с легальной политической оппозицией. Причина этого таилась значительно глубже простого следования букве Основных законов империи. Она заключалась в духе самого законного строя, в понимании гражданского общества и связанной с ним политической борьбы как естественного явления общественной жизни. Вот, например, что в своем

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 220. Л. 2.

курсе лекций по государственному праву говорил сотрудник особого отдела жандармский полковник В. А. Беклемишев: «Человек по своей природе есть существо общественное... ибо только живя в обществе, человек может развиваться до такой степени, что удостоится названия Человека, то есть существа разумного и свободного»⁸⁷. В основе государства лежит, по мнению лектора, не нация и не класс, а гражданское общество, включающее в себя все существующие племена, роды и семьи. Понятия «гражданское общество» и «государство» объединены надклассовой, внесловной и наднациональной природой. В виде вывода приводится формулировка понятия государства – «оно есть союз свободных людей, соединенных семейственными, родовыми и гражданско-общественными узами, живущих на определенном пространстве земли под управлением верховной власти»⁸⁸. Соответственно закон есть правило, по которому функционирует гражданское общество и государство. Интересно, что это преподавалось в самом охранительном учреждении самодержавного государства.

В тексте лекции имеется еще одно очень важное замечание, которое наставляет жандармов, каким должно быть их отношение к ведению следствия: «Во всяком случае дела должны быть решаемы на основании закона; если же какие-нибудь обстоятельства в законе не предусмотрены и не указаны, то тогда должно испрашивать разрешения высшего начальства только судом»⁸⁹. Этот императив очень важен и объясняет известную корректность жандармов и педантичное соблюдение ими законодательства.

Возвращаясь к курсу Спиридовича, отметим, что он не только ввел общий понятийный аппарат, но и старался внушить и привить те деловые и личностные качества идеального жандарма, которые помогли бы максимально эффективно и с достоинством выполнять свою работу. По мнению Спиридовича, этими качествами являются: «1) моральное превосходство над врагами по убеждениям и по сознанию чувства долга, 2) образованность, 3) превосходство в знании деятельности революционных организаций, 4) служебная осторожность, или, как принято выражаться на революционном жаргоне, „конспирация“, 5) спокойное отношение к делам розыска и вообще ко всем сведениям, поступающим в распоряжение заведующего розыском»⁹⁰.

Мы видим, что на первое место среди необходимых для жандарма личных и служебных качеств полковник Спиридович ставит не глубокие познания и конспирацию, о которых он самым подробным образом говорит в своем курсе лекций, а именно моральное убеждение в борьбе с революцией. Основа его зиждилась на двух явлениях: с одной стороны, на этическом неприятии террора и революции, на преданности престолу, а с другой стороны, на уважении к верховенству закона. Первым необходимым условием, которое следует соблюдать при ведении политического розыска, автор лекций называет «полную закономерность всех поступков и нравственную чистоту всех предприятий лица, ведущего политический розыск»⁹¹. В этом нравственный императив лекций Спиридовича совпадает с нравственным императивом Беклемишева.

Хочется отметить, что идейность борьбы многих жандармских офицеров существовала не только на словах – она была неотъемлемой частью повседневной профессиональной деятельности. Ярким свидетельством этого является значительное число жандармов, принявших участие в Гражданской войне на стороне белого движения. В качестве примера можно привести жандармского генерал-майора Е. К. Климовича, назначенного начальником Особого отдела штаба Русской армии генерала П. Н. Врангеля и помощником начальника гражданского

⁸⁷ Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19859. Л. 110.

⁸⁸ ГА РФ. Л. 110об.

⁸⁹ Там же. Л. 113–113об.

⁹⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 220. Л. 2об.

⁹¹ Там же.

управления Крыма. В руках Климовича была сосредоточена Государственная стража белых. Ему в рекордные сроки удалось полностью дезорганизовать работу большевиков в Крыму, предотвратить попытку противника устроить забастовки портовых рабочих и сорвать эвакуацию Русской армии в ноябре 1920 г. Было ликвидировано около 200 большевицких агентов⁹². Генерал Врангель блестяще аттестовал своего начальника полиции: «Руководимая опытной рукой генерала Климовича работа нашей контрразведки в корне пресекла попытки противника. Неприятельские агенты неизменно попадали в наши руки, предавались военно-полевому суду и решительно карались»⁹³. Помощником Климовича по руководству контрразведкой был генерал-майор корпуса жандармов Л. А. Бардин.

Бывший начальник штаба ОКЖ генерал-майор В. П. Никольский являлся военным министром (исполняющим должность начальника военного управления) в правительстве Юга России. В контрразведке белых на Черноморском флоте служил бывший начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов⁹⁴. В Вооруженных силах Юга России (ВСЮР) служил и бывший помощник начальника Владимирского ГЖУ подполковник А. Т. Будницкий⁹⁵. В Добровольческой армии в составе Корниловского ударного полка воевал бывший начальник Тифлисского жандармского управления Закавказской железной дороги А. И. Зозулевский⁹⁶. Во ВСЮР в Особом отделе штаба Астраханского казачьего войска служил ротмистр Н. С. Мартос. Среди жандармских офицеров в Белом движении можно отметить генерал-майора Д. А. Правикова, братьев ротмистров Г. В. и М. В. Плотто, поручика В. В. Шлихтинга, братьев подполковников Е. О. и В. О. Щербовичей-Вечор и многих других. Прививавшаяся на курсах преданность и идейность борьбы с революцией сыграли свою роль в продолжении этой борьбы и после свержения самодержавия.

Говоря о преподавательской деятельности Спиридовича, следует отметить, что наибольшую ценность представляют его работы по истории революционных партий в России. К моменту написания этих исследований уже были составлены общие работы по истории революционного движения Ф. С. Рожанова и политических партий – Е. К. Климовича, однако ни одной работы, целиком посвященной какой-либо крупной русской революционной партии, не существовало. По личной инициативе Спиридович взялся за написание подробной истории партии социалистов-революционеров и истории РСДРП. Свое намерение он объяснял следующим образом: «Чтение лекций на жандармских курсах по истории революционного движения показало мне, сколь велика жажда у поступающих на курсы жандармов – офицеров к познанию тех элементов, на борьбу с которыми они себя обрекают. Своя же личная служба в корпусе, особенно в первые годы, показала мне, сколь беспомощны офицеры в отношении изучения революционного движения по причине отсутствия соответствующих пособий. Указанные обстоятельства побудили меня начать составлять очерки о деятельности главнейших революционных партий под общим заглавием „Революционное движение в России“, выпуск 1-й – „РСДРП“, выпуск 2-й – „Партия социалистов-революционеров и ее предшественники“»⁹⁷.

Эти две книги Спиридовича сразу же после публикации стали рассылаться для ознакомления в жандармские управления и были приняты как основные учебники по истории эсеров и РСДРП на жандармских офицерских курсах. Книги получили высокую оценку в департаменте

⁹² Александров К. М. Уходили мы из Крыма среди дыма и огня... // Новое время. 2005. № 47. С. 31–35.

⁹³ Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Т. 2. Минск, 2003. С. 338.

⁹⁴ Перегудова З.И. «Охранка» глазами охранников // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 21.

⁹⁵ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916. Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 97.

⁹⁶ Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 216–217.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 159. Пр. 1. Л. 8.

полицейские и расходились по ведомству огромными тиражами⁹⁸. Вопрос о переподготовке старых жандармских кадров стоял весьма остро, и рассылка книг Спиридовича и других авторов (Климовича, Рожанова) стала своеобразной мерой повышения квалификации жандармских кадров. Обе книги претендуют на роль исследовательских работ, лучших для своего времени. Так, в 1945 г. большевик В. Д. Бонч-Бруевич в своей научной деятельности активно пользовался ими, отмечая высокую достоверность и реалистичное описание истории⁹⁹.

Об издании, посвященном эсерам, Бонч-Бруевич пишет: «Это интересно и документально написанная книга... Автор, очевидно, широко пользовался данными архива департамента полиции, почему ему и удалось дать обширные систематические сведения по истории партии социалистов-революционеров»¹⁰⁰. Это достаточно высокая оценка, говорящая об уровне книги, так как Спиридович как раз не пользовался архивным материалом, основываясь лишь на официальных документах партии эсеров и публикациях в эсеровской прессе.

Книга, посвященная РСДРП, была опубликована в типографии штаба Отдельного корпуса жандармов в 1914 г.¹⁰¹ Она была разделена на 11 глав. В конце каждой главы Спиридович делал основные выводы. Книга заканчивалась историей школы на Капри и положением партийных дел в России в конце 1910 г. В завершение книги автор не прогнозировал дальнейшего развития социал-демократии. В последней, XI главе он ненавязчиво проводил идею глубокого кризиса, стагнации РСДРП, отмечая потерю прежнего влияния партии на пролетариат и плохую организацию работы на местах. При этом Спиридович обратил внимание на апатию меньшевиков (цитируются слова Мартова о кризисе в работе к концу 1910 г.) и неутомимость большевиков: «Но представители большевизма не смущались таким положением дел; летние рабочие забастовки, а также оживление, охватившее в ноябре месяце оппозиционные круги общества, благодаря смерти Льва Толстого, были использованы ими как показатели поднимавшегося в общественных кругах брожения, чем они и не замедлили воспользоваться»¹⁰². Сама работа представляет собой хронологическое изложение фактов истории социал-демократии с минимальным их осмыслением. Цель ее состоит в информировании будущих жандармов, а не в субъективном исследовании. Интересно, что большинство выводов не противоречат современной российской историографии.

Примерно шестую часть книги занимают приложения, среди которых Манифест РСДРП, Программа 1909 г., Организационный устав РСДРП, принятый на Лондонском съезде 1909 г., Устав ЦК РСДРП 1910 г., Устав украинского социал-демократического союза «Спилка» 1904 г., Условия слияния Социал-демократии Польши и Литвы с РСДРП, Проект условий объединения СД Латышского края с РСДРП, Проект условий объединения Бунда с РСДРП и др. Книга изобилует цитатами из речей партийных лидеров, прессы, агитационных материалов.

В 1916 г., после полуторагодовой работы, Спиридович публикует книгу, посвященную эсерам¹⁰³. Она более чем в два раза объемнее выпуска об эсдеках: вместо 250 содержит 579 страниц, 80 из которых отведено под приложения. Книга состоит из 20 глав. Хронологический охват работы также больше: с разгрома народovolьцев в начале 1880-х гг. до положения партии перед войной в 1914 г. Книга является не только учебником по истории ПСР, но и по всему русскому революционному движению эсеров-народovolьческой направленности. Фактический материал гораздо богаче, чем в издании, посвященном РСДРП. Имеются даже таблицы прихо-

⁹⁸ *Пережудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 348.

⁹⁹ НИОР РГБ Ф. 369. Картон 71. Д. 31. Лл. 1–23.

¹⁰⁰ Там же. Д. 30. Л. 11.

¹⁰¹ *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 1-й. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914.

¹⁰² Там же. С. 209–210.

¹⁰³ *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 2-й. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

дов и расходов финансовых средств партии за 1906 г., итоги денежных отчетов за 1907 г.¹⁰⁴ Рассматриваются не только общие тенденции развития движения, но и биографии отдельных персоналий – Брешко-Брешковской, Гершуни, Бурцева и проч.

Акцент в книге ставится на партийный террор и борьбу с ним политического сыска. Это представляет определенный интерес, так как в работе, посвященной РСДРП, Спиридович не освещает этого аспекта в принципе. Описываются действия правительства, аресты и ликвидации, но без подробностей, которые жандармы вполне могли почерпнуть из курса политического розыска. Значительно меньше внимания уделяется партийной жизни эсеров. Не только представлены сухие факты и их взаимосвязь, но и даются многочисленные оценки. Автор даже берется прогнозировать.

Главный вывод работы Спиридович формулирует следующим образом: «К началу 1914 г. партийных организаций в России, в строгом смысле слова, не было. Были лишь разбросанные по разным городам социалисты-революционеры, мечтавшие о таких организациях и о партийной работе. За границей же оставалась эмиграция, разделенная на фракции, существовал Центральный комитет с его комиссиями и литературные органы. Была программа партии, устав и руководящие резолюции. Иными словами, сохранились партийные кадры, готовые начать, когда понадобится, революционную деятельность по выработанному, вполне определенному плану. Крестьянство, пролетариат и военная среда – вот куда направят свои усилия партийные работники, стараясь привлечь их на свою сторону для борьбы с правительством. Террор, и особенно центральный, – вот главное средство борьбы, к которому обратится партия социалистов-революционеров, лишь только наступит время, благоприятное для ее работы»¹⁰⁵.

Кроме книг Спиридовича в начале XX в. было выпущено и одобрено для обучения на жандармских курсах еще три учебника. Первой вышла книга Е. К. Климовича (в 1907 г.). В секретном письме московскому градоначальнику А. А. Рейнботу от 2 сентября 1907 г. П. А. Столыпин писал: «Брошюра полковника Климовича „Краткая таблица важнейших современных политических партий в России“ содержит в себе некоторые существенные недочеты и пробелы: 1) пропущены две известные консервативные партии: а) Русское собрание и б) польская партия реальной политики (угодовцы), 2) изложение программ, тактики и организации партий сделано не с достаточной полнотой, рельефностью и не всегда объективностью и 3) в тексте встречаются чисто редакционные недосмотры, например: а) в сопоставлении крайних реакционеров и неограниченного самодержавия, б) выражение «правительственный террор» по отношению к действиям социалистов-революционеров»¹⁰⁶.

Специалисты политического сыска из департамента полиции, отметив некоторые недоработки, тем не менее дали «Краткой таблице...» гораздо более высокую оценку. Сотрудник особого отдела ДП (с 1910 г. – руководитель отдела) полковник А. М. Еремин в своем анализе брошюры писал: «Почин в этом деле никак нельзя не приветствовать, так как до сих пор не только чины полиции, но и корпуса жандармов не имели никакого пособия, объединяющего учения всех наиболее распространенных революционных партий, и весьма часто не только жандармские управления, но даже и департамент полиции не находил у себя программы или устава той или иной революционной организации... Необходимость такого издания давно уже назрела»¹⁰⁷. Указывая на несоответствие брошюры Климовича идеалу, Еремин все же настаивал на необходимости внедрения ее в жандармское образование. «Краткая таблица...» была рекомендована как пособие для изучения истории революционного движения.

¹⁰⁴ Спиридович А. И. Революционное движение в России. С. 389–401.

¹⁰⁵ Там же. С. 495.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО. 1909. Д. 85. Л. 35.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО. 1909. Д. 85. Л. 36.

Работа над новым пособием была поручена в июне 1912 г. сотруднику Особого отдела ДП МВД подполковнику Рожанову. 7 ноября 1912 г. он был направлен директором С. П. Белецким на чтение лекций по истории революционного движения на курсах штаба корпуса¹⁰⁸. В короткий срок подполковник Рожанов написал и опубликовал в типографии штаба «Записки по истории революционного движения в России». Работу над книгой описывает историк М. В. Сидорова. Основным источником был архив департамента полиции: дела III отделения СЕИВК и департамента полиции до 1904 г., справки о произведенных в империи дознаниях в 1906–1910 гг., справки о переписках об охране в 1906–1908 гг. В целом подполковником Рожановым было изучено 12 823 дела, из которых использовано при написании книги только 162. Просмотренные дела он сгруппировал по 29 отделам: масоны, тайные общества и сборища, польский мятеж, прокламации, сборища в университетах и т. п., изучая при этом по 80 дел в день¹⁰⁹.

В итоге текст «Записок...» был завершён описанием состояния революционного движения в 1913 г. и опубликован в январе 1914 г. в жандармской типографии тиражом 1000 экземпляров. При общей численности корпуса 962 офицера и 38 классов чинов¹¹⁰ (то есть в сумме как раз 1000 человек) этот тираж следует признать огромным. Охватывалась вся целевая аудитория. Большой тираж был только у работ Спиридовича (первый выпуск, посвященный РСДРП, был опубликован тиражом 1800 экземпляров, а второй, посвященный эсерам и их предшественникам, – тиражом 2600 экземпляров)¹¹¹. Книга Рожанова была одобрена в качестве пособия для изучения истории революционного движения для поступающих в корпус жандармов офицеров. В «Записках...» особое внимание уделялось партиям и организациям, действующим в России и за границей, – не только истории их возникновения, но и внутреннему устройству, методам политической, в том числе и революционной, борьбы. Книга Рожанова стала основным пособием по истории революционного движения на жандармских курсах. Приказом командира корпуса жандармов генерала Джунковского она была признана полезной для всех офицеров ОКЖ, и каждому управлению было велено иметь по одному экземпляру в своей библиотеке¹¹². Одним из наиболее важных предметов жандармской подготовки была криминалистика. Название это весьма условное, так как в указанный период оно не было в употреблении и используется нами в качестве общего термина для четырех предметов – антропометрии, дактилоскопии, шифровального дела и судебно-полицейской фотографии. Первые три преподавались на жандармских курсах в качестве отдельных дисциплин¹¹³, а четвертый – в рамках курса политического розыска. Отдельных экзаменов по этим предметам не было, однако их основы спрашивались на экзамене по розыску. Преподавание антропометрии и дактилоскопии было поручено крупнейшему в России и одному из видных мировых специалистов по криминалистике – коллежскому советнику В. И. Лебедеву¹¹⁴. 12 марта 1908 г. директор департамента полиции М. И. Трусевич издал приказ о создании уголовно-сыскной части, которая стала именоваться восьмым делопроизводством. Новое делопроизводство занималось руководством и организацией сыскного дела на местах, составлением инструкций и правил по сыскной части, заведовало школой инструкторов, фотографией ДП, а также связью с иностранными полициями по вопросам уголовного характера¹¹⁵. Первым и единственным главой (с 1 мая 1908 до марта 1917 г.) делопроизводства был Лебедев, организовавший при своем

¹⁰⁸ Там же. Оп. ОО. 1912. Д. 309. Лл. 57–57об.

¹⁰⁹ Сидорова М. В. Указ. соч. С. 44–45; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300. Д. 274, 275.

¹¹⁰ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1914 года. Ч. 1, 2. Пг., 1914.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО. 1912. Д. 159. Пр. 1. Лл. 7–8.

¹¹² Там же. Д. 159. Л. 31об.

¹¹³ Инструкция 1909 г. § 6, 7.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО. 1906. Д. 46. Л. 17об.–18; Оп. ОО. 1908. Д. 46. Л. 52; Оп. ОО. 1912. Д. 309. Л. 36–36об.

¹¹⁵ Там же. Оп. 300. Д. 21. Л. 50.

ведомстве музей департамента полиции, по сути, центральный криминалистический музей России. Главной целью создания музея стало составление всевозможных коллекций для изучения и улучшения постановки сыска – по антропометрии (таблицы глаз, форм уха, форм носа и черепа), дактилоскопии, судебно-полицейской фотографии, все необходимое оборудование для регистрации преступников. При музее был создан специальный класс для подготовки офицеров.

Лебедев был одним из первых в России, кто увидел в системе Бертильона будущее криминалистики и вообще всей политической и уголовной полиции. В одной из своих книг он писал: «Я имел возможность ознакомиться [с методами криминалистики] в 1897 г. в Париже благодаря любезному мне содействию и личным указаниям самого Бертильона»¹¹⁶. Будучи главой Московской сыскальной полиции, он считал необходимым повсеместное изучение и внедрение этого предмета, в частности в Отдельном корпусе жандармов. В 1903 г. он издал свою книгу «Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого воровского словаря». В этой работе Лебедев писал: «Антропометрия Бертильона имеет двоякую цель: во-первых, регистрацию преступников для отождествления их впоследствии и открытия преступного прошлого и, во-вторых, помощь полицейской и следственной власти в распознавании и отыскании преступников и вообще в соображениях и действиях по розыску»¹¹⁷.

Вскоре после выхода книги Лебедеву поручили читать лекции по антропометрии и дактилоскопии на жандармских курсах, а в 1909 г. в Санкт-Петербурге в типографии МВД он выпустил свой главный труд – трехтомное «Искусство раскрытия преступлений». Первый том назывался «Дактилоскопия (пальцепечатание). Регистрация и установка личности преступников при помощи оттисков кожных линий пальцев рук. Дактилоскопический метод в расследовании преступлений», два следующих соответственно «Антропометрия» и «Судебно-полицейская фотография». Пособие это было составлено непосредственно для преподавания на открытых в 1908 г. при департаменте полиции по приказу Столыпина курсах уголовного сыска для начальников только что учрежденных 89 сыскальных отделений. Однако оно было пригодно и для жандармов.

В 1903–1914 гг. В. И. Лебедев опубликовал 13 книг по фотографии, антропометрии, дактилоскопии, применению собак на жандармско-полицейской службе (он являлся одним из инициаторов направления и виднейшим полицейским собаководом в России) и прочим проблемам, связанным с теорией и практикой сыскальной работы в империи. Одной из главных целей своей жизни он видел создание всемирной базы фотографий и антропометрических данных на преступников, чтобы можно было, делая запрос, в течение нескольких суток установить личность тех или иных эмигрировавших за рубеж преступников, арестовать их силами местной полиции и передать в руки русского правосудия. По сути, речь шла о создании Интерпола.

Перед Первой мировой войной эта мечта Лебедева начала сбываться. С 14 по 19 апреля 1914 г. в Монте-Карло под покровительством князя Монако Альберта I прошел Первый международный конгресс судебной полиции. В конгрессе приняли участие представители полиции и прокуратуры более чем из 23 стран – России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Испании, Италии, Монако, Дании, Швейцарии, Сербии, Болгарии, Румынии, Турции, Португалии, Персии, Египта, Сальвадора, Бразилии, Гватемалы, Мексики и др. Не было только делегатов от Великобритании и США. Председателем выступил Фердинанд Ларнод, декан факультета права Парижского университета¹¹⁸. Одним из почет-

¹¹⁶ Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого воровского словаря. М., 1903. С. 40.

¹¹⁷ Там же. С. 4–7.

¹¹⁸ ОР РНБ Ф. 403. Оп. 1. Д. 111. Лл. 4–5.

ных сопредседателей конгресса был делегированный на конгресс от российского МВД Василий Иванович Лебедев. Вместе с Мари-Франсуа Гороном, бывшим шефом парижской полиции, и доктором Рейссом, директором Института криминалистики при Лозаннском университете, он руководил работой первой секции, где рассматривались вопросы, касающиеся организации полиции (Questions de Police)¹¹⁹.

Резолюции второй секции, которая была непосредственно посвящена антропометрии и в работе которой также принимал участие Лебедев, были весьма определенными: «Ввиду создания Международного бюро идентификации, Конгресс выражает пожелание, чтобы правительство княжества Монако выступило с инициативой и обратилось к правительствам стран мира с предложением сформировать состоящую из специалистов международную комиссию, в обязанности которой вошло бы проведение подготовительной работы по созданию в Париже, при условии согласия французского правительства, международной картотеки особых примет, системы классифицирования соответствующих карточек»¹²⁰.

Другим видным криминалистом, читавшим лекции и проводившим практические занятия на жандармских курсах, был сотрудник Особого отдела статский советник И. А. Зыбин. Ему было поручено ознакомить с шифровальным делом готовившихся к поступлению в корпус офицеров¹²¹.

¹¹⁹ Там же. Лл. 6–6об.

¹²⁰ Там же. Л. 20.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. ОО. 1908. Д. 46. Л. 52; Оп. ОО. 1912. Д. 309. Л. 36–36об., 91–91об.

Комплектование офицерского состава

С середины 1870-х по 1916 г. численность ОКЖ выросла почти в 2,6 раза – с 6011¹²² до 15 718¹²³ человек. Доля офицерского состава в корпусе составляла в разные годы 7–8 % от общего наличного состава. Из офицеров корпуса 86 % придерживались православного вероисповедания, 12 % были протестантами, 2 % – католиками, 1 офицер – мусульманином. Только 3,5–4 % офицеров имели высшее военное образование – окончили курс военных академий¹²⁴. Среди унтер-офицерского и рядового состава преобладали «русские», под которыми имелись в виду великороссы, малороссы и белорусы и вообще уроженцы центральных, восточных и сибирских губерний, Малороссии, Новороссии и Юго-Западного края. Их было 90 %. По вероисповеданию 94,5 % нижних чинов были православными, около 5 % – лютеранами. Униатов, католиков и мусульман было незначительное число¹²⁵.

Если в первой половине XIX в. не существовало никаких национальных ограничений для приема в жандармерию, то с ростом революционного движения они стали появляться. В 1867 г. было принято положение Военного совета «о воспрещении принимать на службу в корпус жандармов лиц польского происхождения, католиков или лиц, женатых на католичках»¹²⁶. В 1869 г. запрет был внесен в состав Свода военных постановлений¹²⁷. В корпусе жандармов началась чистка нижних чинов¹²⁸. Однако по отношению к офицерам-католикам руководство проявило мягкость, позволив им продолжить службу. До Польского восстания 1863 г. в русском офицерстве процент поляков-католиков был очень высок (на 1862 г. в среднем по армии 20,06 %, причем в кавалерии – 23,5 %)¹²⁹. Не вводя запрета на офицерскую службу поляков-католиков, государство обязало их представлять свидетельство местных властей о политической благонадежности и «преданности России». Полякам и другим офицерам, женатым на польках-католичках, воспрещалось служить в Варшавском военном округе, на Кавказе и в крепостях Европейской России. Эта мера дала некоторый результат: процент таких офицеров резко упал, и в 1912 г. поляков в офицерском корпусе было 5,4 %, а в целом католиков чуть больше – 5,5 % (за счет католиков-литовцев)¹³⁰. Характерно, что жесткий запрет на прием поляков и католиков в жандармерию был принят на несколько лет позднее, чем антипольские меры в армии в целом. Вероятно, это было связано с тем, что в жандармерию изначально уже набирали людей политически благонадежных.

Аналогичная мера в жандармерии была принята и касательно евреев. 21 июня 1880 г. было утверждено положение Военного совета, воспрещавшее принимать на службу в корпус жандармов не только иудеев, но и всех евреев, включая выкрестов¹³¹. В 1890–1900-х гг. это правило неукоснительно соблюдалось¹³². Хотя в отличие от запрета на службу поляков аналогичная мера против евреев скорее была акцией превентивной, рассчитанной больше на перспективное, чем на немедленное внедрение в жизнь. Обилие евреев среди революционеров не могло не вызывать желания предотвратить проникновение их или симпатизирующих им лиц в

¹²² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 7–10.

¹²³ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 10 октября 1916 года. Пг., 1916. С. 808.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 7–10.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 10–15об.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 5. Л. 3.

¹²⁷ СВП 1869. Ч. 2. Кн. 6. Разд. 2. Гл. 15. Ст. 229 п. 2. СПб., 1891.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 5. Л. 2.

¹²⁹ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 311–313.

¹³⁰ Там же. С. 396.

¹³¹ СВП 1869. Ч. 2. Кн. 6. Разд. 2. Гл. 15. Ст. 229 п. 3. СПб., 1891.

¹³² Правила для приема 1894 г. § 4; Правила для приема 1897 г. § 4; Положение о приеме 1913 г. Ст. 4.

политический сыск. При этом все состоявшие в ОКЖ выкресты продолжили службу, в частности начальник Петербургского ГЖУ генерал Петр (Пинхас) Васильевич Секеринский¹³³, происходивший из варшавской еврейской семьи.

По отношению к представителям других вероисповеданий ограничений не было. Например, протестанты занимали высокие должности в корпусе. Из известных лютеран можно привести в пример главу Тульского ГЖУ в 1907–1917 гг. генерал-майора Н. А. Иелита фон Вольского, а Смоленским ГЖУ руководил полковник Е.Г. фон Плато, чьи отец и дядя, Г.Э. и Э.Э. фон Плато, также служили в корпусе в штаб-офицерских чинах; начальника Херсонского ГЖУ в 1912–1917 гг. полковника В. Э. Тунцельмана фон Адлерфлуга, его отца генерал-майора Эдуарда, во второй половине 1890-х гг. состоявшего в штабе корпуса¹³⁴.

Традиционно считается, что офицерам недворянского происхождения было запрещено поступать в корпус¹³⁵, что не соответствует действительности. Например, при поступлении в корпус жандармов подпоручика А. П. Мартынова, будущего начальника Саратовского и Московского охранных отделений, специально уточнялось его происхождение (сын коллежского регистратора) и наличие родственников в корпусе¹³⁶. Начальник Московского ГЖУ отдельно указывал на недворянское происхождение Мартынова¹³⁷. В корпусе служили подполковник И. Л. Крамаренко (из священнических детей), подполковник Н. А. Афонасьев (выходец из купеческой среды)¹³⁸. В течение 9 лет, с 1904 по 1913 г., начальником Воронежского ГЖУ был выходец из потомственных почетных граждан генерал-майор В. З. Тархов¹³⁹.

Однако элитарный характер корпуса накладывал определенный отпечаток. Офицерский состав был преимущественно дворянским. Среди 40 офицеров, предназначенных к вызову для прикомандирования к штабу на 1 сентября 1899 г., 31 человек (то есть 77 %) были потомственными дворянами¹⁴⁰. С целью сохранить дворянский состав корпуса 13 ноября 1896 г. штаб циркулярным распоряжением № 28 рекомендовал начальникам жандармских управлений принимать ходатайства о зачислении в кандидаты на поступление в корпус преимущественно от офицеров дворянского происхождения. А в 1899 г. в циркуляре штаба корпуса № 25 говорилось: «По открытии приема от офицеров просьб о переводе их в корпус, объявлять им, что будут приниматься ходатайства лишь тех, кои происходят из потомственных дворян и окончили курс военных училищ. Этим же цензом по образованию и происхождению надлежит руководствоваться и командирам жандармских дивизионов при выборе офицеров для перевода во вверенные им части»¹⁴¹. Суть этого циркуляра состоит в улучшении образовательного и культурного уровня офицеров, поступающих на курсы, а не в создании сословного барьера. И после его публикации недворяне продолжали поступать в корпус, например братья А.П. и П. П. Мартыновы в 1899 и 1902 гг.

Эта мера скорее может быть расценена как часть общей государственной политики по привлечению дворян на военную службу. Тенденция к сокращению в 1890–1900-е гг. потомственных дворян в офицерском составе армии пугала правительство. Тогда в армейской пехоте

¹³³ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 60.

¹³⁴ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916; Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлено по 5 июля 1878 г. СПб., 1878; Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1894 г. СПб., 1894.

¹³⁵ Сафонов Д. А. Губернское жандармское управление: пособие к курсу «История государства и права». Уфа, 1998. С. 9–10.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8499. Л. 10.

¹³⁷ Там же. Л. 11.

¹³⁸ Там же. Оп. 17. Д. 358. Лл. 7об.-10, 595–690об.

¹³⁹ Перегудов А.В., Страхов Л. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 19.

¹⁴⁰ ГА РФ. Оп. 2. Д. 8881. Лл. 9–12об.

¹⁴¹ Систематический свод законоположений и циркуляров об ОКЖ. С. 29.

дворян было 39,6 %, в кавалерии – 66,7 %, в артиллерии – 74,4 %, и только в гвардии их представительство варьировалось (в зависимости от рода оружия) от 88,7 до 96,3 %¹⁴². В среднем же процент дворян в 1890-е гг. колебался в районе 50–52 %. В корпусе жандармов в то же время около 80 % состава были представлены потомственными дворянами, то есть значительно больше, чем в среднем по армии.

В корпусе традиционно служили многие представители титулованных родов, в первую очередь традиционных для русской армии немецких и скандинавских баронских родов (В. Ф., Р. А. и С. Г. Энгельгардт, Г. П. и Е. Г. фон Медем, К. В. Врангель, Н. Э. и Э. Ф. фон Нольде, Л. Н. Левендаль, Е. Е. Людингаузен-Вольф, Р. В. Крюденер, Д. В. Корф, К. П. Унгерн фон Штернберг и проч.). Наряду с ними были и многочисленные представители русской знати, а также верхов аристократии: князья В. Я., И. И. и С. Л. Шаховские, И. Д. Кропоткин, Ю. Д. Голицын, М. В. Волконский, В. А. и К. В. Путятины; представители других знатных фамилий: князья И. К. Эрстов, А. Н. Багратион-Давидов, М. Г. Туманов, Г. Г. Кантакузин, Н. А. Урусов. Особо необходимо отметить, что все эти люди начали свою службу в ОКЖ с самых низших, адъютантских, постов; они не занимали сразу высокие посты по причине перемещений в Министерстве внутренних дел. Таким образом, устойчивые представления о малой престижности жандармской службы и закрытом сословном составе корпуса не имеют под собой реальных оснований.

Хочется отметить, что руководство корпуса активно поддерживало существование жандармских офицерских династий. Это было связано с затруднениями при проверке политической благонадежности переводящихся в корпус офицеров¹⁴³. Наличие близких родственников, уже какое-то время служащих в жандармерии, давало некоторые гарантии благонадежности. По расчетным данным из 1012 офицеров корпуса жандармов 228 человек (то есть 22,5 %) находились в родственных отношениях либо между собой, ибо с чинами департамента полиции. Из этих 228 человек 18 офицеров имели генеральский чин, а 113 человек – чины полковника и подполковника; 106 человек занимали командные должности в ранге помощников начальников ГЖУ и ЖПУЖД, начальников уездных жандармских управлений. Из 228 человек в разные годы должность начальника ГЖУ занимали 38 человек, а начальника ЖПУЖД – 13 человек. Сравнивая эти цифры с общим количеством управлений, видно, что около 47 % всех высших руководящих жандармских постов на местах занимали родственники. Эти цифры дают возможность уверенно говорить об известной кастовости в руководстве корпуса жандармов.

Следует отметить, что с точки зрения генеалогии горизонтальные родственные связи встречаются гораздо чаще вертикальных, то есть отношения брат – брат преобладают над собственно династиями, где несколько поколений (отец – сын, дед – сын – внук) служили в жандармерии. Вероятно, не все родители желали своим детям такой достаточно нервной и сложной по сравнению с обыкновенной армейской службой карьеры. Можно привести следующие удачные примеры горизонтальных связей. Генерал-майор Е. В. Владимирский в 1882–1890 гг. был помощником начальника штаба корпуса, а его брат генерал-майор В. В. Владимирский возглавлял Ярославское ГЖУ¹⁴⁴. Генерал-лейтенант К. Ф. Шрамм, начальник Московского ГЖУ, был родным братом полковника Н. Ф. Шрамма, возглавлявшего Омское ГЖУ¹⁴⁵. Таких примеров десятки.

¹⁴² Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX вв. М., 1973. С. 203–205.

¹⁴³ Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 266–267.

¹⁴⁴ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1894 г. СПб., 1894. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1890 г. СПб., 1890. Николай Михайлович, великий князь. Петербургский некрополь Т. 1. СПб., 1912. С. 457–458.

¹⁴⁵ Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлено по 5 июля 1878 г. СПб., 1878. «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Именной указатель. Т. 2. М., 2004. С. 592.

Можно выделить три типа жандармских семейств. Первый тип – жандармские военные династии, когда несколько представителей крупного русского офицерского дворянского рода идут на службу в жандармерию. К таким фамилиям, без сомнений, можно отнести подполковников братьев Владимира Ольгердовича и Евгения Ольгердовича Щербовичей-Вечор. Оба их брата, полковник артиллерии Сергей Ольгердович и капитан Александр Ольгердович Щербовичи-Вечор, а также сыновья, кадет Первого кадетского корпуса Юрий Владимирович и поручик Борис Евгеньевич, служили в императорской армии¹⁴⁶. Также к первому типу относятся офицерские семейства Хартулары, Гибер фон Грейфенфельс, князя Путятины¹⁴⁷ и многие другие.

Второй тип родственных отношений – это чисто жандармские династии. Их представители служили в основном в жандармерии, а число армейских родственников было невелико. Самым ярким примером второго типа были братья Петр, Николай и Александр Мартыновы. Дети чиновника, они не имели близких родственников в армии, но все трое пошли на службу в жандармерию. Схожий случай имел место с тремя братьями Меранвиль де Сент-Клер: братья полковник Андрей Николаевич и подполковник Борис Николаевич Меранвиль де Сент-Клер служили в ЖПУЖД, а их брат подполковник Константин Николаевич был старшим адъютантом штаба корпуса.

Третий тип родственных связей в жандармерии – это полицейские династии, когда часть представителей рода служили в Отдельном корпусе жандармов, а другая – в департаменте полиции МВД. Это была особая социальная группа, полностью оторвавшаяся от армии, – группа, для которой политический сыск стал, если так можно выразиться, семейным делом.

Например, в корпусе служили братья А. Ф. и П. Ф. фон Притвицы, а в департаменте – коллежский регистратор Н. П. фон Притвиц¹⁴⁸.

Другим примером является жандармское семейство Беловодских, еще со времен Николая I служивших в корпусе. Этот род «эволюционировал» от первого, военного типа к третьему, полицейскому. Основателями рода были начальник Псковского ГЖУ генерал-майор Павел Евстафьевич Беловодский и его брат подполковник Михаил Евстафьевич¹⁴⁹. Позднее на полицейскую службу поступили их внуки: в корпус жандармов – подполковник Владимир Васильевич¹⁵⁰ и Константин Владимирович Беловодские¹⁵¹, а в департамент полиции – надворный советник Евгений Васильевич Беловодский¹⁵².

Значительное внимание руководство политического сыска уделяло семейным обстоятельствам и интимным отношениям офицеров жандармерии. Женились на дамах своего круга, часто имевших родственные связи в армейских кругах, в основном дворянского происхождения. Наличие любовниц категорически не одобрялось, это касалось даже заслуженных офицеров в высоких чинах. Например, начальник Самарского жандармско-полицейского управления железных дорог полковник К. С. Яниковский чуть не поплатился должностью за многолетнее (в течение 18 лет) сожителство с француженкой – воспитательницей своих детей, даже несмотря на то, что воспитывал он их один, проживая отдельно от жены. А прикомандиро-

¹⁴⁶ Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 600; *Он же*. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 548; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916; Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1-е января 1910 г. СПб., 1910.

¹⁴⁷ Волков С. В. Указ. соч. С. 433; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 47. Л. 3об.

¹⁴⁹ Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10-е ноября 1889 г. СПб., 1889.

¹⁵⁰ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916.

¹⁵¹ Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М., Изд-во НКВД, 1940. С. 25.

¹⁵² Список чинов Департамента полиции. СПб., типография МВД, 1913.

ванный к штабу корпуса жандармов корнет В. В. Дадевич и вовсе распрощался со службой из-за скандальной любовницы¹⁵³.

На офицеров Отдельного корпуса жандармов были возложены разнообразные многоплановые задачи: политическая, военная и в ряде случаев уголовная полиция, контрразведка, борьба с контрабандой, полиция нравов, административные функции. При такой нагрузке численность корпуса была мизерной: на каждые 168 тыс. человек населения империи приходилось по 1 офицеру и 14 нижних чинов жандармерии. Подготовка новых кадров была штучной. Несмотря на высокий уровень преподавательского состава курсов и неплохие пособия, штаб технически не мог всесторонне подготовить жандармов и как специалистов по всем видам розыска, и как администраторов. Структура органов политического сыска была неоднородной: ГЖУ, охранные отделения, районные охранные отделения, ЖПУЖД, КЖК, жандармские дивизионы, будучи тесно связанные профессиональной деятельностью, имели различное политическое и строевое подчинение, разные источники финансирования. Указанные противоречия провоцировали серьезные внутренние конфликты, разрушали целостность корпуса жандармов, из-за того что офицеры служили в руководстве всех вышеупомянутых учреждений на разных условиях. После подавления Первой русской революции назрела необходимость проведения реформ, которые унифицировали бы внутреннее устройство, руководство, цели и задачи полиции вообще и политической в частности.

¹⁵³ Лаврёнова А. М. Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 35, 36.

II

Реформы политического сыска в 1913–1914 гг

Владимир Федорович Джунковский

Период, когда политическим сыском Российской империи руководил генерал-майор свиты Его Императорского Величества Владимир Федорович Джунковский, является стержневым для истории жандармерии и департамента полиции 1910-х гг. Проведенные им реформы и мероприятия предопределили характер работы специальных служб в годы Первой мировой войны. Оценки его деятельности крайне противоречивы. В то время как одни называли Джунковского чуть ли не наиболее преданным императору сановником¹⁵⁴, где видели в нем одного из главных виновников Февральской революции¹⁵⁵. Отметим лишь, что ни один из коллег по политическому сыску, оставивших о нем воспоминания, не дал позитивной оценки его преобразованиям.

Полярные точки зрения на одни и те же события связаны во многом с невниманием к предыстории проводившихся реформ, например не была подробно рассмотрена история развития военной агентуры до ее роспуска в 1913 г., работа революционных партий в армии в 1907–1913 гг., а потому скудная информированность политического сыска о революционной работе в армии некоторыми исследователями выдается за отсутствие таковой, а низкая информированность полиции становится в их работах основанием для вывода о том, что сыск ничего не потерял, лишившись данной агентуры. Такой подход представляется неверным, так как о необходимости агентуры и последствиях ее ликвидации разумно судить не столько по ее эффективности, сколько по интенсивности работы революционеров в армии. Общая черта историографии реформ Джунковского – это изъятие их из контекста борьбы оппозиции против политического режима. Оценка в основном дается исходя из частных особенностей работы самой полиции, а не из стоявшей перед ней основной задачи защиты государственного строя.

Джунковский был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией 23 января 1913 г. Его назначению предшествовала долгая кадровая перестановка. Смена товарища министра, как правило, была следствием замены его непосредственного шефа – самого министра. После убийства П. А. Столыпина в Министерстве внутренних дел началась череда перестановок, связанная с уходом части ответственных за его гибель лиц, в первую очередь – товарища министра П. Г. Курлова, а также с попытками «стольпинской» команды сохранить власть. Следующим министром внутренних дел стал бывший прокурор Саратовской судебной палаты, бывший товарищ министра (в 1906–1908 гг.) А. А. Макаров. Это был опытный в вопросах права и юстиции, работоспособный, ответственный, но совершенно незнакомый с организацией полиции человек. Так его характеризует Курлов: «Всю жизнь провел он на службе по судебному ведомству, что развило в нем склонность к строгому формализму, который, по свойству его личного характера, осложнялся любовью к канцеляризму. Бумага отнимала у него массу времени: он зачастую работал до раннего утра, и это не могло не отражаться на творчестве, столь необходимом на посту министра внутренних дел. Несмотря на то, что большая часть его службы прошла в провинции, он жизни не знал и смотрел на нее под углом прокурорско-бумажного зрения»¹⁵⁶. Наиболее известным успехом Макарова на его посту была

¹⁵⁴ Романов А. В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 176–177.

¹⁵⁵ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 112–113.

¹⁵⁶ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 185.

деятельность созданной при нем Комиссии по реформе полиции в империи. Макаров довел до ума законопроект реформы полиции, утвердил его положения в Совете министров¹⁵⁷ и передал на рассмотрение в Думу.

В области кадровых перестановок Макаров сделал ряд важных назначений. 21 февраля 1912 г. директором департамента полиции был назначен С. П. Белецкий, в прошлом самарский вице-губернатор. Как писал в своих воспоминаниях полковник Мартынов: «А. А. Макаров, еще в бытность прокурором Саратовской судебной палаты, знал Белецкого и при назначении своем на должность министра внутренних дел остановил выбор на нем при очередном замещении должности директора департамента полиции. Правой рукой по политическому розыску у Белецкого стал Виссарионов... До своего назначения на должность директора департамента полиции Белецкий некоторое время служил вице-директором этого департамента (в 1909–1912 гг. – В. Х.-Г.) и, обладая способностями быстро разбираться в делах, скоро освоился со своим положением. Такой помощник, как Виссарионов, с головой зарывшийся во все извилины политического розыска, чувствовавший в себе талант розыскного специалиста, был совершенно необходим Белецкому, и при его директорстве ясно чувствовалась во всех наших делах режиссерская рука С. Е. Виссарионова»¹⁵⁸. Положительную характеристику Белецкому дает генерал-майор К. И. Глобачев: «Степан Петрович Белецкий был человек весьма умный, работоспособный и прекрасно понимал политическое состояние тогдашней России... По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, беззаветно преданный своему государю»¹⁵⁹.

26 января 1912 г. на пост командира Отдельного корпуса жандармов, в то время не соединенный с постом товарища министра, был определен генерал-лейтенант Владимир Александрович Толмачев. По свидетельству Курлова, Толмачев был старым другом и непосредственной креатурой Белецкого¹⁶⁰. Помощник начальника штаба ОКЖ генерал-майор Д. А. Правиков так комментирует это назначение: «Министр внутренних дел, покойный А. А. Макаров, усмотрел, что среди корпуса жандармов наблюдается упадок военной дисциплины, военного воспитания и выправки. Потому и назначил командиром корпуса строевого генерала Толмачева, без заведования делами департамента полиции, поставив ему указанную выше определенную военную задачу, которую он и выполнил. По этому вопросу можно только сказать, что мы значительно отставали в деле физического и военного воспитания чинов полиции по сравнению с государствами Западной Европы, но, конечно, с точки зрения охранной это не имеет смысла»¹⁶¹. Начальником штаба корпуса еще с 1910 г. являлся генерал-лейтенант Дмитрий Константинович Гершельман. Видное место генерала для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов при Макарове занимал А. В. Герасимов, бывший начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, активно участвовавший в руководстве подавлением революции 1905–1907 гг.

Макаров выстроил следующую схему работы жандармского ведомства: политическое руководство розыском ведут Белецкий, Виссарионов и начальник особого отдела Еремин. Военная и строевая подготовка жандармерии осуществляется близким к ним генералом Толмачевым, который по факту наличия неформальных связей и протекции при его назначении не мешает департаменту в деле руководства жандармскими управлениями по части розыска. Генерал Гершельман – правая рука Толмачева, как лицо, больше своего командира осведом-

¹⁵⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./ 1912 год. М., 2004. С. 28–42.

¹⁵⁸ Мартынов А. П. Указ. соч. С. 292–293.

¹⁵⁹ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 103.

¹⁶⁰ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 186.

¹⁶¹ Хутарев-Гарнишевский В. В. Жандармерия и охранка в правление Николая II. Статья генерала Д. А. Правикова. 1927 г. // Исторический архив. 2009. № 4. С. 86.

ленное в жандармской специфике. Однако эта налаженная конструкция держалась на личности одного человека – министра Макарова.

16 декабря 1912 г. Макаров, не имевший покровителей ни в правительстве, ни при царском дворе, был отправлен в отставку. Ему на смену пришел молодой черниговский губернатор действительный статский советник Николай Алексеевич Маклаков, пригласивший Джунковского занять кресло товарища министра. Назначение Маклакова не было неожиданностью, как писал об этом сам Джунковский¹⁶². По свидетельству Курлова, почти сразу после гибели Столыпина дворцовый комендант генерал В. А. Дедюлин рассказывал, что Николай II рассматривал на пост главы МВД две кандидатуры – Николая Маклакова и Алексея Хвостова¹⁶³. Генерал Глобачев так описывает нового министра: «Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча»¹⁶⁴. По свидетельству Джунковского, впервые Маклакова заметил еще Столыпин и выдвинул на пост губернатора, а в 1911 г. при посещении Чернигова его отметил с положительной стороны уже сам император.

Джунковский в своих мемуарах характеризует деятельность Маклакова и его человеческие качества следующим образом: «Он все время своего управления губернией был в постоянных разъездах, успел за 2 года лично обревизовать до 180 волостных правлений, дела коих, как бывший управляющий казенной палатой, он отлично знал. Он вел упорную борьбу со взяточничеством и мордобойством, и не без успеха. Одно только у него не ладилось в Чернигове: он никак не мог столковаться с земством, в отношении которого сразу занял непримиримую позицию. Произошло это от его прямолинейного, нетерпимого характера и горячности, свойственной молодому возрасту. Таким образом, напряженные отношения Маклакова с земством продолжались вплоть до назначения его министром внутренних дел, что, конечно, проникло и в другие земские круги, и земская Россия была настроена против Маклакова. Несмотря на это, назначение Маклакова было встречено скорее сочувственно. Ему лично, конечно, было очень трудно, так как он совершенно не был знаком с придворным и чиновничьим Петербургом»¹⁶⁵

¹⁶² Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 93.

¹⁶³ Курлов П. Г. Указ. соч. С. 186.

¹⁶⁴ Глобачев К. И. Указ. соч. С. 93.

¹⁶⁵ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 94–95.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.